

Орган правления Союза писателей СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.

ОДИН ИЗ КОМАНДЫ ПРЕЗИДЕНТА

Валентин РАСПУТИН
дал интервью
«Литературной газете»

Художник и власть, художник и политика — изначально несовместимые понятия. Из самих об этом говорили не раз. Что заставило вас, свободного творца, влезть в политические одежды?

И я теперь продолжаю считать, что творец — это человек, который несовместим с властью. И когда он становится политиком, художник в нем есть, но не исчезает совсем, то в лучшем случае отступает. Но ситуация у нас сейчас такая, что, видимо, приходится делать поправки к этому правилу. Времена для творческой работы и без того было мало, и я прекрасно понимаю, что теперь его останется еще меньше. И все же, чтобы была определенная надежда на то, что мы выдержим, мы держим те блага, которые на нас, писателей, не падают, которые сейчас всем людям приходится все-таки по-прежнему, может быть, и талантом, если он есть, тем даром, который был вручен тебе, приходится поступаться ради того, чтобы люди чувствовали себя уверенней. Никогда мне политиком в профессиональном плане не стать. И тут смотрю на себя как на человека, делегированного от экологической настроенной части общества.

Экологией «мобилизованный» и привлекательный?

Нот, конечно. И никогда, я не обладаю, наверное, политическим языком. Думаю, это даже неплохо, если на Президентском совете, где большая часть, конечно, будет говорить на политическом языке, будет услышан и другой язык — писательский. Айтматов или мой, если я расскажу на привычном мне языке о страданиях сыновей, какой-нибудь деревенский старик, хотя сегодня и не будет речи о том, что необходим инструмент, социальная защита маломощных слоев, но инструмент этот еще не создан, и старик как бедствовал, так и бедствует по сей день, и неизвестно, какие испытания ждут его впереди. Так что если и своим языком об этом рассказывать, может, будет и к месту, и ко времени.

Всех, конечно, интересует команда Президента — кто к ней вошел и почему? Как вы считаете, почему выбор Президента пал на вас? Сыграла ли тут какую-то роль ваша совместная зарубежная поездка, где Михаил Сергеевич, вероятно, ближе узнал вас?

Думаю, поездка в Китай здесь ни при чем. Скорее, мое выступление на первом Съезде народных депутатов, это выступление, выступление, да сейчас все выступления открывшиеся. А больше, видимо, то, что и выражаю определенные российские интересы. Наверное, еще сыграло свою роль, что я дважды в ноябре и недавно, перед самыми выборами Президента, — направились на прием к Михаилу Сергеевичу, просил, чтобы поставили на Политбюро вопрос о Байкале. И может быть, моя напористость, как то приглянулась — что и государство творит об экологических делах, о Байкале.

Михаил Сергеевич когда давал первое интервью о Президентском совете, говорил, что подбирал его членов по принципу поддержки. Действительно, все его поддерживают, хотя не во всем одинаково, наверное. Но поддержка с разных сторон, может, самое нужное сегодня, она-то и будет помогать ему в его начинаниях. К счастью, если судить по первому заседанию, разногласий между членами совета очень немного. Мы высказывались вполне открыто, каждый говорил о том, какой он видит обстановку в стране, какие нужно принимать первоочередные меры, и в общем, мы почти не спорили.

ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ — В НОМЕРЕ:

Дожили, что ли! Неужели вот сейчас, взяв старинную землемерку-сажен, зашагает агроном совхоза «Вышкинский» Борис Иванюков по еще не отошедшему от зимней омертвелости полю, чтобы отмерить кусок пахоты не для бригады, а для первого крестьянского хозяйства, которое уже создается на здешних, давно «отчужденных» землях? Неужели снова обретет кормплицу не абстрактного, а совершенно конкретного заботливого и трудолюбивого хозяина?

Обретен. Всего-то считанные недели прошли со времени принятия, казалось бы, немислимо нового закона о земле — а в только что избранные Советы уже потнулись [вопреки утверждениям агропромышленных чиновников] с заявками на выделение земли первые советские фермеры. И среди них в Ульяновском районе — две семьи из села Вышки: Репинны и Зотовы.

Это им сейчас будет выделена земля. Она попадет не в случайные руки. Живет в селе, ее сын и сноха заканчивают ныне сельскохозяйственный институт и «сдаются» на свою землю. Родная сестра Ирины — Александра Андреевна Зотова купила дом в своем родном селе и переезжает сюда из города с мужем. Хозяйствовать обе семьи будут сообща.

Зотовы — Репинны берут под хозяйство двадцать гектаров пашни и десять гектаров заброшенного сада. Будут растить корма для скотины, возродят и жизни сад. Заведут пасеку. Новые крестьяне полны надежд не только потому, что надеются на свое трудолюбие и поддержку, но и потому, что помощь и поддержку им обещает и новый райсовет, во главе которого встал только что избранный председателем первым секретарь Ульяновского райкома партии Николай Иванович Каширский. И у него душа — крестьянская.

Ж. МИНДУБАЕВ,
сов. корр. «ЛГ» по Поволжью
Фот. А. НАРЗАНОВА

ПУТЬ

На соискание Государственных премий СССР

Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР сообщает кандидатам, допущенным к участию в конкурсе на соискание Государственных премий СССР 1990 года.

Среди тех, чьи произведения оставлены для участия в конкурсе и выданы на общественное обсуждение, — члены Союза писателей СССР С. Аверинцев, Вяч. Иванов за подготовку в составе авторского коллек-

тива второго издания фундаментального исследования «Мифы народов мира» (энциклопедия в двух томах), С. Андринов — за повести «Овраги» и «Васильки», М. Виноградовский за сборник «Стихотворения». В Конечный как автор романа-эпопеи «За доброй надеждой», Б. Чичибинский за циклы стихов «Последних лет», «Печаль моих поэм», «Склоненных небес тишина», «У правды скромное жилище», Ю. Щербак за документальную повесть в двух книгах «Чернобыль».

Судят дамбу

Пожалуй, это первый опыт (или один из первых) столь широкой и представительной независимой общественной экспертизы, которую на прошлой неделе провела ассоциация «ЭКОЛОГИЯ И МИР».

Впрочем, с опозданием лет на пятнадцать.

Да, именно тогда и уж во всяком случае не позже 1980 года надо было дать такую же оценку ленинградскому комплексу защитных сооружений от наводнения. Независимой ее теперь можно назвать лишь с некоторой натяжкой: наводнения волна общественных эмоций накрыла всех с головой, не оставила ни

одного сухого места для беспристрастного раздумья. Зато данные аэрокосмических съемок, результаты наблюдений, проб свидетельствуют о том, что после 1983 года с возведением дамбы и нарушением гидрохимических процессов загнивание цветение водных масс в Невской губе резко возросло.

Двухдневное рассмотрение дела состоялось, но судья так и не огласил заготовленный суровый приговор — проект решения. Возникла парадоксальная ситуация: подсудимый (приверженцы дамбы) составил себе оправдательное заключение и передал его судье для оглашения. Но судья не решился утвердить этот снисходительный приговор. Стороны разошлись, лишь приняв довод оponents, с лихвой.

Суд не завершил, не прозвучит приговор природоохраны и грозит погубить и истца, и ответчика, и судью. Сколько бы мы ни изощрялись в словесных прениях, придется вместе искать выход из тяжелого кризиса.

М. МИЮРНИКОВ

«В Баку ждут бакинцев»

В течение нескольких дней в Баку работали народные депутаты СССР — заместители председателей комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращения граждан Н. Ю. Решетова, члены этого комитета В. А. Майборода, П. П. Пьянков.

В Баку нас привлекли проблемы беженцев, — сказала Н. Решетова — покинувшая столицу Азербайджана в политическом эмиграции. Только в Москве и Московской области сейчас около 5 тысяч русских беженцев. Часть из них временно размещена в санаториях, дома отдыха и пансионатах, часть нашла пристанище у родственников и знакомых.

Между тем руководство Азербайджана выражает заинтересованность в том, чтобы все эти люди вернулись обратно в республику. За эти дни мы стремились получить ответ на два наиболее существенных вопроса: почему уехали русские из Баку и что мешает им вновь возвратиться туда?

В результате многочисленных встреч с жителями Баку у нас сложилось впечатление, что до январских событий отношения азербайджанцев с представителями русскоязычного населения Баку были совершенно нормальными, не замечательными ни отрицательно, ни тем более враждебно.

В чем же тогда причина массовых отъездов? Мне кажется, главной

причиной, подтолкнувшей людей к отъезду, был страх. Страх владения тогда в Баку всеми. Многие азербайджанцы говорили нам о том, что и они в те дни испытывали страх не меньше, чем русские. Поэтому я могу понять тех, кто уехал, особенно женщин. Кстати, многие бакинцы говорили нам, что, по их мнению, на решение русских граждан об отъезде в значительной степени повлияла эвакуация беженцев, которая началась в Баку сразу же после введения чрезвычайного положения.

Со времени январских событий прошло уже более двух месяцев. Принято постановление ЦК Компартии Азербайджана и Совмина республики об организационных и социально-политических мерах по обеспечению возвращения в республику русскоязычного населения. В нем намечены конкретные меры оказания социальной помощи со стороны республики тем, кто намерен вернуться в Азербайджан. В них водятся возмещение стоимости проезда, беспрепятственное освещение в прежней квартире и восстановление на прежней работе с сохранением непрерывного трудового стажа.

Много времени уделяется в постановлении проблеме развития двуязычия — равного сосуществования азербайджанского и русского языков. Проводятся мероприятия по укреплению общественного порядка и законности, исходя из необходимости обеспечения безопасности, свобод и интересов граждан республики независимо от национальности, неприкосновенности их жилища и собственности.

Мы услышали в Баку в твердом убеждении, что в Баку ждут возвращающихся покинувших его жителей. И проявят по отношению к ним максимум сочувствия и сердечности.

Интервью взял
И. ДАДАШВИДЗЕ

ПИСАТЕЛИ О «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Стр. 3

КАК МЫ ДЕЛАЕМ
АМЕРИКАНСКОЕ КИНО
Стр. 8

Поэзия В. Сосноры

Стр. 6

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ В ВИЛЬНОСЕ
Стр. 11

ПРАГА: ЖАНТИЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Стр. 14

ВСТРЕЧА БОЛГАРСКИХ И СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

27 марта в Москве состоялся совместный секретариат Союза писателей СССР, Союза болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии.

Откровенность, взаимное желание продолжать сотрудничество, не терять достигнутых, сверяясь с происходящими крупными переменами в общественной и политической жизни, наметить новые пути для взаимопонимания и взаимопомощи — таковы лейтмотивы этой встречи. В нем приняли участие первый секретарь правления СП СССР В. Карпов, секретари правления Ю. Вериченко, А. Вознесенский, С. Колов, Ал. Михайлов, С. Михайлов, Ю. Суворов, прези-

дент Федерации писателей при СП СССР Л. Васильева, болгарские литераторы представляли председатель Союза болгарских писателей К. Георгиев, секретарь Союза переводчиков Болгарии Н. Вилчев, главный секретарь СПБ Б. Мюллер, директор болгарского культурно-информационного центра в Москве Л. Еленков, советник посольства НРБ в СССР К. Химирски. Встречу открыл В. Карпов. В состоявшемся обмене мнениями были затронуты насущные проблемы современной литературной жизни. Выступавшие ознакомили собравшихся

с ситуацией, сложившейся в последнее время в литературе Болгарии и СССР, в писательских организациях отдельных республик, из взаимоотношений, говорили о возникновении новых творческих организаций, о перспективах и планах, о структурных переменах, о изменениях в работе с молодыми. Общественность и тревога звучали в выступлениях некоторых участников заседания, когда речь шла о тех писателях, которые являются гордостью отечественной литературы, звучал призыв беречь духовное богатство народа, не дать эмоциям перечеркнуть истинные ценности национальной культуры.

Огромный интерес к советской литературе особенно проявляется в наши дни, говорили болгарские писатели, отмечая, что многие советские произведения публикуются, прозы, драматургии сразу становятся бестселлерами. В этой связи была подчеркнута необходимость более пристального внимания к подготовке кадров

переводчиков, в том числе способных переводить непосредственно с языков народов СССР. С большими интересом было выслушано сообщение о полномочии в литературе наших республик, звучала мысль о необходимости еще большей взаимной информации, сохранении всего ценного, что достигнуто в духовном общении наших народов.

На следующий день состоялось подписание плана сотрудничества между СП СССР, СПБ и СПБ на 1990 год, предусматривающего дальнейшее развитие и обогащение творческих связей между советскими и болгарскими литераторами. План подписали В. Карпов, К. Георгиев, Н. Вилчев.

27 марта в болгарском культурно-информационном центре состоялась пресс-конференция болгарской делегации, на которой присутствовали видные болгарские писатели и журналисты.

А. РАСКИН В РУБРИКЕ
«РЕТРО «КЛУБА ДС»
Стр. 16

Виктор АСТАФЬЕВ:

Сейчас, когда все разговорились, и газеты, и журналы, и люди, все про всё знают, все сделались экономистами, политиками и парламентариями, в самый раз «ЛГ» вспомнить о своем названии и заняться литературой, заполнить широкие полосы не юбилейной афишей, а натурально, по-крестьянски возделывать «свою ниву», потому как разброд в литературе, шатание, болтовня и лукавство вышли из берегов и нужен кормчий в водоеме, наполненном мутными стоками заблуждений и повседневности, общественного гадания, базарной распродажи и уличной перебранки. Надо всем заниматься делом. Своим! От разговоров люди устали, гложет общество, тулеет страна, а ей уж дальше тулеть некуда.

Григорий БАКЛАНОВ:

Прежде всего — интересной от первой до последней полосы. Понимаю, как это трудно, но интересными должны быть не отдельные, наиболее удачные номера, а каждый номер газеты. Значит, на страницах газеты должны выступать неординарно мыслящие люди, личности, а их, к сожалению, не бывает много.

Так уж сложилось, что о проблемах жизни «ЛГ» всегда рассказывала глубже и смелее, чем о проблемах литературы. А ведь литература — это духовная жизнь общества. Вот и хочется пожелать, чтобы хлеб духовный так же насыщал читателей газеты, как и проблемы хлеба насущного. И последнее: в нашем неспокойном литературном море, где раздаются и самые безответственные призывы, оставаться дальновидными, сохранять мудрость и спокойствие, объединять те здоровые силы общества, для которых судьбы Отечества превыше собственных амбиций, групповых пристрастий и утрачиваемых благ.

Юрий БОНДАРЕВ:

Хорошо известно, что и великие художники прошлых эпох не могли уйти от политики, как бы они ни относили себя к поборникам «божественного» искусства. Политика была лишь частью целого их существования, но в то же время неустранимой реальностью, поскольку жили они не среди цветущих лужаек, прохладной росы и любвеобильных пастухов и пастушек со сладкозвучными свирелями.

И все-таки не пришли ли мы к самообману, воображая, что оголенные политические споры, порой едва сдерживаемая неприличная брань могут заменить главное — земную и высокую, святую и грешную, вечную и необходимую, как хлеб насущный, литературу и, главное, живого, во плоти человека, не изуродованного фальшивым оптимизмом и противоестественной враждой.

В наше время обострившихся и заострившихся литературных страстей, которые можно назвать, к сожалению, страстями сугубо политическими, очень хотелось бы почти невозможного — художества, интеллигентности, терпимости, ренессанса критического слова.

Василь БЫКОВ:

В нормально развивающемся обществе закономерно функционирует разнообразие взглядов, мнений, позиций, что, собственно, и находит определенное отражение в средствах массовой информации, и в прессе прежде всего. «Литературка» учреждена для литераторов и литературы, хотя ее деятельность не менее важна для всего общества в целом. Но так уж повелось в жизни, что каждая из общественных сил стремится использовать потенциал прессы в собственных целях, и очень печально, когда это удается — по обыкновению самой агрессивной, но далеко не самой справедливой силе. Поэтому очень хотелось бы видеть «Литературку» всегда беспристрастной и независимой, благородной и демократичной, верно служащей единственной богине искусства — правде.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

Благодарен, что «ЛГ» была смелой и в подцензурную пору, желаю найти новую смелость в мире бесцензурном, быть в нашей стране первой русскоязычной газетой свободной ЛИТЕРАТУРЫ, газетой творцов, боли людской, честной дискуссии, не опускающейся до уровня страничек «Москвы литератора».

Хотелось бы больше внимания к новым живым художественным явлениям, скажем, к барнаульской «ЭРЕ», тамбовскому неовангарду, пермским «детям стронция», московскому «концепту» или к прозе С. Василенко и В. Сорокина. Журнал «Черный квадрат» в небольшом Луганске издается тиражом 140 000 экз.

Писатели
отвечают на вопрос:Какой бы
вы хотели
видеть

Желаю расстаться со стереотипами. Не странно ли ныне в «ЛГ» над публикациями Набокова и Флоренского видеть: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Но одно табу необходимо — запрет унижения национального достоинства. Главная кричащая нота сегодня: «Остановить кровь!» А вдруг Слово может стать кристаллом гармонии?

Анатолий ПРИСТАВКИИ:

«Литературную газету» выписываю, люблю и считаю своей: как ее автор с тридцатилетним стажем (в 59-м году именно здесь были напечатаны мои первые маленькие рассказы), как бывший собственный корреспондент «ЛГ» по Сибири и, наконец, как писатель и читатель. «Литературка» — наша общая газета. По-моему, она должна отражать интересы всех писательских групп, ассоциаций, объединений, существование которых, судя по проекту, будет узаконено новым уставом СП СССР. Со временем, вероятно, эти группы обзаведутся собственными изданиями, но пока писательская газета одна на всех, и насколько РАЗНЫЕ наши союзы, настолько ей необходимо быть РАЗНОЙ, то есть представлять РАЗНЫЕ вкусы, эстетические школы, РАЗНЫЕ мировоззрения (исключая, конечно, откровенно экстремистские). Сегодня идея единения людей, выдвигающих позитивные программы, становится все более очевидной. «Литературка» как традиционный демократическая газета могла бы стать таким консолидирующим органом. От политики сейчас нигде не уйти, каждый из нас знает, что на литературном вечере ему прежде всего придется отвечать на вопросы об отношении к Горбачеву. Ельцину, событиям в Прибалтике, и хорошо, если 10 процентов запяток будет о том, над чем он работает. И «Литературная газета», коль скоро она отражает реальную жизнь, несомненно, является газетой политической. Но все же мы не вправе забывать, что главное наше дело — литература. Я веду семинар в Литературном институте и среди моих студентов наблюдаю весь спектр эстетических пристрастий — от крайних модернистских до самых традиционных. Когда спрашиваю их: «Ну как, легче стало печататься?» — они отвечают: «Писать стало легче: думается и дышится свободнее, а печататься — ничуть». Если критики лишены раз промолчат о Приставкии, меня, как говорится, не забудет, но молодым наше доброе печатное слово так необходимо... Хотелось бы также, чтобы на своих страницах «ЛГ» поднимали вопросы социальной защиты писателей — в частности, от государства, его идеологических учреждений, которые в любой момент могут отлучить от литературы, от доступа к печати. Особенно до принятия Закона о печати, да и после: необходимо будет гарантии его соблюдения. На мой взгляд, это одна из важнейших задач писательской газеты.

Виктор РОЗОВ:

Мои пожелания «Литературной газете» следующие. Делать как можно более широкий обзор литературы нашей страны, занимая позицию, ту, что называл Ромен Роллан «Над схваткой». Спокойно анализировать позиции, не только художественные, но и общественные — и левых, и правых. Стараться эти позиции привести как бы к общему знаменателю, потому что нет ничего лучше золотой середины, потому она и называется золотой. Возвращать литературе ее самые великие ценности, достигнутые блестящим XIX веком нашей литературы. Стараться целить людей к приумножению личного духовного богатства, искать высшие человеческие радости в этом приумножении. Ценить ту литературу, которая этому способствует, и уметь разграничивать сиюминутность и даже хлесткость произведений от настоящих, глубоких, которые могут оказаться вечными. Никим образом не скатываться к линии ожесточенной борьбы за мифические идеалы. Спокойно относиться к выходкам как правых, так и левых. Ну и, разумеется, собирать вокруг газеты трезвомыслящих, талантливых, добрых авторов.

Анатолий РЫБАКОВ:

Особых претензий к «Литературке» нет. Хорошая газета. Задача — стать еще лучше. Тем более в наше время, когда появилось так много интересных изданий. Сейчас, когда предвещается и реакция, отстаивая свои административные привилегии, ведут яростную атаку на все талантливое и прогрессивное в литературе, на вечные нравственные ценности — гуманизм, интернационализм, свободу личности и свободу творчества, проповедают шовинизм и нетерпимость, хотят воскресить то, что осудила и отбросила история, я думаю, газете следует, ни на кого и ни на что не оглядываясь, повысить принципиальность своих выступлений.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ:

Прежде всего — литературной. Не в жанровом, конечно, смысле и не в ведомственном.

Не грех вспомнить, что первоначально «литера» — это скрижали, надписи на камне. Нечто вечное, как истина. Злоба дня нас делает все более равнодушными к вечным ценностям. Злоба дня уже превращает процесс возрождения культур в кровавую борьбу за выживание.

Сейчас легче всего газетам быть «правыми» или «левыми». Труднее всего оставаться в центре, как бы на нейтральной полосе, под огнем тех и других. Но где он, центр? Где место истины? В годы, когда вся печать была густо правый, центр смещался влево. И я помню «Литгазету» такой. Она первой начала борьбу с коррупцией властей, шовинистическим уклоном в культуре, с госмонополией на истину в науке. Но помню и моменты ее «правления», когда левая тенденция еще не преобладала. Расценровка оборачивалась не только утратой авторитета газеты, но и дезориентацией читателей. Ныне газеты комплексу: критерием оценки их значимости становится тираж. В погоне за миражами тиражей можно порастрасти в десятилетиях накопленный багаж. «Литературка» не раз цитировала Пастернака: «Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Суетливая буря мотыльковой популярности или негрозная слава орла?

Ныне, когда смелость разрешена, а значит, не опасна и выгодна, природным бойцам нелегко в толпе драчунов. Правда — всегда только часть истины. Когда каждый режет правду-матку (всю искромсали!), особенно важен поиск истины. Целой, неповрежденной: только такая может стать ядром сознания. «Литературная газета», я уверен, должна вести себя сообразно своему возрасту и культурному опыту, не скатываясь ни вправо, ни влево. Самым верным балансиром может быть только весомость аргумента, в котором творчески уживаются и новации, и дух классического наследия. Такой я хочу всегда видеть нашу «Литературку».

Владимир ЯВОРИВСКИЙ:

У нашей «Литературки», так стоически расчищавшей прорыв к демократии и гласности, кажется, вдруг свело дыхание от своей же смелости. Этого было достаточно, чтобы ее решительно обошли прежде робкие издания. Обошли и ушли вперед. Догнать труднее. И не надо транжирить на это силы. Нужен прыжок в новое качество. Убежден, что это зависит прежде всего от редактора. Если газета и далее будет выходить как нечто компромиссно-обезличенное, как унылая иллюстрация к позициям бюрократического литературства, которое потеряло свое влияние на национальные литературы, то это будет вина главного редактора. Так что оставьте свой страх, Федор Михайлович, в раздевалке на первом этаже — и вперед! Мы, писатели-депутаты, вас поддержим. До предела политизированные национальные союзы писателей — тоже. Берите вехи и — начинайте! Если не знаете как — зачем сядились в это кресло?.. Но думай, что знаешь...

ОДИН ИЗ КОМАНДЫ ПРЕЗИДЕНТА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

Свободный, открытый обмен мнениями предполагает разногласие. Если все в одну дуду, то это, вероятно, хорошо в теории, а на практике мы уже имели последствия подобного единодушия, от которых теперь никак не избавимся. Сейчас, кажется, мало кто хочет, чтобы все подкакивали друг другу и, главное, Президенту.

Считаете ли вы себя способным отстаивать свою позицию, даже если она будет резко расходиться с президентской? Это — с одной стороны. А с другой — вот вы подписали известное письмо писателей России, так называемое письмо 74-х, а оно далеко не во всех вызывает поддержку, более того, вызывает неприятие — я к тому, что у вас самого сегодня должен быть, по моему, более широкий обзор. Как вы считаете?

Ну, во-первых, единогласия в совете не будет. Не будет его хотя бы потому, что люди там не случайные, это не личности, и каждый, конечно, станет отстаивать свое. Если это будут разумные доводы, то возможна и единая точка зрения. Что касается меня, если я в чем-то уверен, если моя уверенность выстрадана, то я буду стоять до конца перед кем угодно, кто перед Президентом, хоть перед господом Богом. Но в то же время знаю за собой и другое качество: я способен выслушать разные мнения, и если какое-то меня убедит, то могу изменить свою точку зрения. Тут нам, разным, сходить придется

на интересах общества, на интересах страны.

Как вы думаете, Президентский совет сможет быть впереди событий? Ведь это, наверное, главное, чего от него ждут, — чтобы он предвидел события, их ход, их резонанс, то есть чтобы принимались меры «до того», а не «после того». Это реально?

Мы действительно шли до сих пор в хвосте событий, и приходилось принимать какие-то меры, чтобы их нейтрализовать, будь то проблемы межнациональных отношений или какие-то другие. Очень важно, чтобы Президентский совет предвосхищал возможность тех или иных острых ситуаций, предупреждал их появление. Чтобы это были популярные решения, которые давали бы надежду на то, что совет не просто очередная государственная надстройка, чтобы в него люди поверили, поторопились и так называемая оппозиция — в его необходимость, в его полезные намерения. Хотя рассчитывать на то, что Президентский совет сразу решит все вопросы справедливо и решит их в ближайший год, конечно, не приходится, потому что слишком сложное положение в стране.

Я плохой проорицатель, но мне кажется, что Президентский совет создан очень вовремя, что удастся все-таки стабилизировать обстановку, удастся вернуться на мирные стези своим, я по крайней мере в это верю.

Вас не шокирует, что Президент был избран не всеародным референдумом, а в условиях Съезда?

Приходится считаться с объективностью. Вот я голосовал на II Съезде народных депутатов за шестую статью, почему? Да потому, что была идея развала. Считаю, что если отказаться от нее, то это подпадает под анархию, которая могла бы быть, то есть возникнут разные партии, начнется борьба за власть. Вот это пугало меня. А теперь, когда найдена новая для нас структура в виде Президентского совета, есть от анархии какой-то защитный механизм, и с удовольствием голосовал на III Съезде против этой статьи, с самого начала считая, что статья надуманная, ненужная.

Президент Чехословакии В. Гавел рассказывал, что был членом «Клуба активных беспартийных». Вы активный беспартийный, как относитесь к многопартийности?

Нормально. Я просто боюсь здесь излишнего множества, как и Венгрии где сейчас больше сорока партий, потому что мы страна не только низкой бытовой культуры, но мы страна и низкой политической культуры. Нам нужно единство общества, но это не значит, что единство должно быть под эгидой одной партии. Пусть несколько партий, но это должны быть сильные, серьезные партии, а не разделение общества на части.

Круг обязанностей в Президент

ском совете определен? Какова ваша роль?

Обязанности начинают определяться. Мы с Анатолем пока еще в резерве. Какие-то нагрузки будут, конечно, пока же роль конкретно не обозначена.

Хочу напомнить вам о поездке в Болгарию, которую четыре года назад организовала «Литгазета» и где были вы, Астафьев, Окуджава, Бурачкин, Алексеевич, Драч, Соколов. И хотя все было омрачено Черным морем — это случилось накануне поездки и мы очень сочувствовали Драчу, тревожились за его сына Максима, уехавшего на место катастрофы, — но то была наша общая тревога и общая печаль, которые нас тоже как то роднили. Можно ли было предположить тогда, что в обиход через совсем короткое время войдут такие слова, как «группировка», «инородцы», «русифобия», «масоны»... мы сейчас бесконечно погрязли в этих страхах. Вы в Президентском совете тоже все очень разные, но там, видимо, никогда не дойдет до выяснения междоусобиц отношений. Такое просто представлять невозможно. Что же, по-вашему, надо сделать, чтобы «Литгазета» снова могла устроить такую же поездку к своему чувству? Или же поездку к нигде не чувствовал бы себя представителем противоборствующих стана — один из «Апреля», другой из «74-х»? Как сделать, чтобы писатели снова протянули друг другу руки?

Для этого надо понимать друг друга. Вот я как раз и говорил на первом заседании Президентского совета

о том, что национализм, шовинизм и все эти «измы» — это ведь очень ненормальное состояние нации. Любая нация. Очень ненормальное. Народ уже устал от национальных проблем, от всего того, что вызвано этими проблемами. А сейчас это уже везде. Скажем, ладимы прибалты отделились. Никто, я полагаю, не должен держать их силой, если они того захотят, но нужно пройти через правовой механизм отделения.

О писательских распрях. Вольно или невольно мы разведены в разные стороны и пока обид только добавляется. Конечно, лучше делать всякие движения лишь от своего имени. Но бывает, очевидно, случаи, когда нужно подписываться и под общим письмом. Для себя решил, что постараюсь это делать только в исключительных случаях. Думаю, что письмо писателей России продиктовано болью за Россию, хотя там есть, конечно, выражения, которые не следовало бы употреблять. Я как раз считаю, что, прежде чем искать виновников в какой-то другой нации, нужно все-таки предъявлять требования к своей собственной.

И к себе как человеку.

Разумеется, но, кроме того, что существуют у каждого человека свои недостатки и грехи, они есть и у каждой нации. То, что прежде называлось покаянием, — к этому действительно нужно прийти, прийти, чтобы устранить эти недостатки и эти грехи. Устранять с себя. Взглянуть на положение своего народа, не только бедственное, но и когда народ потерял

память, оказался в каком-то нечувствительном, равнодушном положении. То есть попытаться поднять самосознание народа. Ведь народ сильный, он не будет обращать внимание на какие-то мелкие обиды. И правильно он делает. Поднять народ до нравственной и духовной соединенной силы — и этим сейчас главная задача художника. Не до обид подняться — до силы. И не только свой народ вообще все народы.

Как вы думаете, эта новая ипостась — работа в Президентском совете — может ли вам что-то дать как писателю: сюжеты, образы, коллизии, или пройдет мимо, не заденет вас?

Нет, и надеюсь, что не пройдет мимо. Как знать, может быть, лет через семь появится у Айтматова роман, как у Маркеса, что-то в этом роде, и у меня тоже что-нибудь...

Что вы пишете сейчас?

Ничего художественного пока нет. Сдал в «Молодую гвардию» книгу о Сибири, продолжаю писать сибирские очерки и статьи, их в последнее время пишу довольно много.

Вы, видимо, вынуждены будете теперь покинуть Иркутск?

Мне, конечно, придется подолгу жить в Москве, но покидать Иркутск я не собираюсь.

Интервью взяла редактор
литературно-публицистического
отдела «ЛГ»
Ирина РИШИНА

НЕТ ХУДА без добра, и даже в скудности нашего бытия есть свои преимущества.

Никогда бы дочка не рассказала мне этого, не будь мы с ней вынуждены коротать вечер в одном диване в нашей единственной комнате. Она бы мне не рассказывала, потому что человек стыдится своей бедности. Маленький человек особенно он уязвим горд — ведь совершенно беззащитен.

Но тут, повторю, — на одном диване. Да к тому же и не читала, а задумчиво вперилась в стены — то есть, на взгляд моей дочери, протискивала порожником чего-то некая нелзя, надо использовать случай поговорить.

Разговор у них двоих, по моему мнению, будет, если от восьми минут отсчитывать? И чего я больше люблю: нарисованную ею принцессу или нарисованного ею ежа?

В первом классе училась.

И вот уже высклики — и сколько будет, и про канюку, и про любовь.

А я все еще порождником.

Ну, она и рассказала. По частям. Маленькими шагами подбиралась к эпицентру землетрясения. Надеюсь как-нибудь обойти его.

Было как раз 23 февраля, праздник, она перед тем неделю готовилась к концерту, ретировала бескомарку матросскую клеиди. И концерт состоялся, только без нее.

Потому что она наступила на Викину бескомарку, и тогда учительница отняла ее собственную, чтобы отдать Вики.

А наступила она в игре, когда один догоняли, а другие убегали и скрывались в туалете, держали дверь изнутри. Вика уронила бескомарку. Глаша на нее наступила.

Но ведь ты нечаянно?

Да, но кто-то сбегал к учительнице, набежала фаланга центральных, с криками схватили мою дочку и поволокли на расправу. Она, конечно, оправдывалась, я нечаянно.

Ей отвечали, как положено на страшном суде.

За нечаянно быть отчаянно! — это толпа кричала со сладострастием, та же самая, что «распиши его, распиши!».

Ну что? Ну что? Забрали ее бескомарку, все пошли в актовый зал, а ее оставили в классе и заперли на ключ.

Что?

Ну, заперли на ключ, — очень стеснилась, сказала она. Действительно, ведь стыдно, когда узнают. Учительница заперла ее на ключ в пустом классе.

Ее арестовали. Лишили свободы. Ненавижу, что всего лишь на один урок. На целый урок!

Один?

Нет, они были вдвоем с другой девочкой.

А ты девочку кто?

Виктор СОСНОРА

Парус

1.

Латинский парус!
На Восток
я пилотирую мой парус.
Все, что не парус, — только торг,
где драгоценности — стекла.

Латинский парус!
Божь мой:
по белым клавишам — когам!
блуждают женщины зимой,
влажные их губы и вульгарны.

Я ждал тебя, как месяц май,
когда все безжалостно не смеркалось.
Плыви, мой парус, мой жар
в пучине скальпелем сверка.

Плыви, цветок весенней мглы!
О, ботанические грезы!
Под снегом дерева белы,
любое дерево — береза.

Сибирь! Твой вассал, Восток!
Я твой Жерар Филипп из Пармы!
Мой полотноный лепесток,
мой белокаменный, мой парус!

2.

Аудитория — огул
угодливый холуе Хама.
Аудитория — ау!
Бедлам,
в котором нету храма,
где одинаково собак
и львов
богами назначают.

Аудитория — судьба,
моя судьба,
мое несчастье.
В аудиториях — в аду,
(ад продан по абонементу!)
я провоцирую орду

на мор и апокалипсис
На сцене струйкой стою.
Мои глаза наградят
мандерштаховский лай старух
и малолетних негодяев.
Я суб-
лимирую обман,
я соб-
лидирую ритуалы!

Латинский парус!
Ни души
в твоем, мятельщик, океане.
А надо жить
и надо жить,
надежды в бездну олуна.

В сомнамбулическом пылу
симений
опалялись, художник,
где океан?
Болотный пруд,
насыщенный трудом удобным

Тебе — бендолье,
ты — табу
В существование наше нищем
ты ищешь рубезей?
ты бурь
в болоте инфузорий ищешь?

Твой парус!
Что ты знаешь о нем?
В существование наше нищем
в гниенье медленном амеб
твой парус сказочен и страшен

Благодарность Сова
и странные
предчувствия

Спасибо тебе за то и за то
За тонус вина. И за женщин тон
За нотные знаки твоих дождей
спасибо тебе, Сова!

За все недолжки. За тех людей
с очами павильными мелодий,
меня обучавших честно лжи,
спасибо тебе, Сова!

За бездну желаний! За сущую жизнь.
За беды. Дебаты. За раж,
ранжир,
уже по которому я не встал,
спасибо тебе, Сова!

Спасибо! Я счастлива! Моя высота
восток мой, где сотен восталок стан,
где дьяволу ведом, какой указ
уродуешь ты, Сова!

Я счастлива!
От нижних суставов до глаз,
что я избежал всевозможных каст,
за казнь мою застра,
не смерть — а казнь, —
спасибо тебе, Сова.

Сова Сирик.
Опять западные
реформы Петра I

Птица Сирик, птица Сирик!
С животным упорством
лег идет,
как черни сивый,
сиротливо постуки.

Медный всадник — медный символ
алкоголь разлучил.
Птица Сирик, птица Сирик!
Где твоя Россия?

Случай:
стужа над Россией
ни черта не таит.

Птица Сирик, птица Сирик!
Нищета все та же.

Деревянная была
лампенная стала.
Послушай погостных благ
всадник с пьедестала.

Эх, дубинушка! Науку
вплесни добрую, народ!
Ну, а если мы не ухнем,
то —
сама пойдешь!

Вот было веселье
(тогда — протоплазма!)
вчера во вседневный
был ад или праздник.

Какой-то уродец
какого-то класса
каким-то народам
по радио клался.

Народы замерзли,
туда и обратно
несли значимы
и тиранизмы.

По счастью шаша
(фанфары — фальцетом!)
плясали на башнях
пятсот полицейских.

Я, пыльный и красный
(глаза — Саваофа!)
шатался по классам
и по стадионам.

«Мир, Равенство, Братство!»
кабацкое пламя,
кабацкая правда,
кабацкое время!

Я страшно согреюсь
на лестнице гнилой
ветки сигаретной
Потом я очнусь.

Где вина? Где дойки?
Где я? Неизвестно.
Две звездочки только,
два глаза небесны.

И не было Фоба
и радиовий
По нежному небу
летел пыльный ангел.

Приторно предрастветный.
На крыльях по лампе
Летал он, предсмертный
и, может быть, плакал.

А может быть, может,
над нашими льдами
душа моя тоже
летает, летает...

А может, из странствий
я так возвращался,
а может, в пространстве
я так воскресался.

«Искусство — святость для дураков»,
распятие — раслата,
художник и Цезарь, и Рубиник
любви и разврата.

атлет и аскет, наперсник и враг,
смерть — алаудий!
он Каин, он камень у райских врат,
плавос поцелуем.

он мать и блудница, мастер мужчин
и женского жеста,
порфиросек и простолодин,
насилник и жертва.

ладан и яд, албразия, слизь,
он — истина, месса,
микроб и звезда, скрипка и свист,
гримас Гермеса,

он плетет и рубит, орало мечей,
о клоун мучений!
Пала и паломник, для пули шашень
и пуча в мши.

лавр и терновник, Сизиф и Вулкан,
вакханка сержин,
в нем нежно и страстно сплелись на века
злобство и гений!

И если на землю падут топоры,
Суд Первый — Последний,
и станут пред божь дворцы и дворы,
престолам, постели,

святость и ересь, правда и лгь,
причастия позора...
— Ты кто? — спросит Бог.

Он ответит: — Я — есть.

А вы поползете.

нашам, невинным, отнюдь не новы
— лишь толпы и толпы.
Виктор — лишь он. Он — не выйдет
— не вы!

Он — есть, сам — и только.

Октавы

1.

Пишу (не пишется) октавы.
Как знать (не знаетса) — о кто вы?
Вы оборот мой отравы,
мой век, моя оковы.

Ты бьешься варваром о траву,
забываешься от крови...
Оправдываюсь — гаупство уст...
И неминуемая грусть.

2.

Что женщина — на «ты», на «вы» ли?
Отмщенье чувств, сочувствий кладезь?
Мы пали пулями навмлет.
Теперь ласкать нам или класяться?
Невы террасы и немые
холсты «Летучего Голландца»,
Спиральки букв в лампах лир...
И неминуемый мир.

3.

Ум наших мук, твоих, товарищ
невеста, баловница блуда,
в терновник (мармелад!) тваре,
вы — баба (нет, мужичка!) бунта,
вы с кем попали так, как будто...
Оправдываюсь — святость уз...
И неминуемый союз.

4.

Я — тоже. Та же ветвь варяга,
Б...й бурлак, благоститель бара.
Я, может быть, для вас ваялся
на лестницах или на бабах!
Но распят — я. А вы — Варавва.
Жрать хлеб и соль и не до бала.
Блаженны любви без мести.
И неминуемая месть.

5.

Но вместе, милая, молиться —
не получается. Мириться —
на получас? Не май манитса.
Что в мести — моль или мокрица?
Вне времени нам время мнится...
И вгн мечты, вгн пульса нерв...
И неминуемая нелю.

6.

Объявляю уст — сироп Карузо
самцов телес и сапок теста, —
и вылетают карапузы,
досрочно кончив курсы детства,
ордую бабочек-капустниц

на огородах людоедства.
Ни жалоб? Цепью! И не смеи!
И неминуемая семей.

7.

Мы одиночки, одиночки,
мы одиночки в сем пространстве.
Да, отдалась. Да, одиночки.
Да, одиночки. Про страсти
распространяться? О, даю к ним
есть интерес — псов покаянство,
и лай любви, и распри, но
вот неминуемая ночь.

8.

И Петербург, дворцы, каналы,
и в плеске пьяниц (ты — на после!)
как без тебя! — как бред! — как мало!
и ужас у меня — как ползень
как ни в окладах, ни в карманах
медяками звучащих рифм...
И неминуемый не Рим.

9.

Я сам Аттила. Ты благия,
несовместимость нас? Не знаю...
И зло — аполло и тини — аполлима,
и все вне нас, и все не с нами,
и мы вне всех... Беги, богиня!
Ты — тело, я — говну на зная...
Я сам бегу, рифмуй бай...
И неминуемая боль.

10.

Богч монаший! — мешанина —
плас — табор, аскетизма трепет.
целую пишущей машинки
кружочки клавиш в День Творения.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Опыт социально-психологической критики

берет советские картины, разве что «шлагеры» (расхожий пример: даже

Сводный ящикок

УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВО

В ПОСЛЕДНЕЕ время, что бы ни делал, никак не уйти от настоящих мыслей. Главная из них — насколько же мы все застряли в наших мифах и страхах, и это именно в то время, когда предельно остро и сложны проблемы, нужно рассматривать в куда более широком социальном контексте, в контексте тех грандиозных изменений, которые происходят в мире, протекать по бурно, то поспешно, то в ускоренном темпе, но всегда имеют жесткий императивный характер и потому требуют учета при разборе любого факта действительности.

Может, тем процесса, охватывающие человечество, вырисовываются с такой очевидностью, что можно определить доминирующие линии развития. ЛИНИЯ номер один, что на сегодняшний день, — это все большее утверждение ценности человеческой жизни в странах всей планеты. Первый порыв этого ветра процесса по миру в антифашистских, буржуазных революциях, провозглашавших освобождение людей от диктата «единоличной власти, равенства, братства и другие естественные права человека».

А вот второй порыв — наш Октябрь, дополнивший перечень прав фундаментальным принципом свободы труда, освобождения людей от экономического гнета капитала. Именно потому Октябрь, говоря словами американского писателя, «пошел мир». Драма последующего развития нашей страны в том, что этот фундаментальный смысл Октября был заслонен словами «матрешка», «досалюшка», «бархат», «статус», «протекционистские критерии», «гражданская война», а затем кровавым сталинским сморчем. На деле получилось, что Октябрь стал не примером полной и действительной свободы, а синонимом «диктатуры», «ликвидации классов», «грабежа награбленного». Более того, не без его влияния и в других странах развились в двадцатые-тридцатые годы тоталитарные режимы, классовая и национальная ненависть, неспиримые мифы и фанатичные классовые идеологии.

И все же ныне во всем мире идет нарастающий процесс освобождения от тирании и диктата идеологии. Многим на Западе это изображается как торжество либеральной демократии, но будем помнить, что это победное шествие происходит в странах, которые испытали обновляющее потрясение Октябрь, — то есть получивших импульс к свободе в ее самом полном значении. Сейчас на Западе по лучшему хождению форма «конечной истории», якобы наступающей с разрывом демократических форм либерального толка, но ведь истинное освобождение человечества, еще неспешно, даже эти формы не смогли разрешить противоречия между трудом и капиталом. Не потому ли в развитых капиталистических странах набирает силу движение групповых (коллективных) предприятий, переходящих в частично-общественное общество, от нашего к свободному труду?

Мы отчетливо видим теперь, проблема тут не малая. Но в отличие от упрощенных ленинских коммунистических представлений, волававших все надежды на тотальное общественное государство, средства производства становятся все более очевидным, что истинная свобода невозможна без освобождения труда без того, чтобы работник стал собственником, включился через коллективные предприятия кооператива, акционерные струк-

туры во владение средствами производства, обрел через многообразие форм статус реального хозяина.

ДРУГАЯ линия мировых процессов — это неуклонное ориентированное на неутолимый потребительский рынок. Дело не в самом капитализме, который значительно изменился и успешно использует действенные рычаги организации и регулирования своей экономики (то, что либеральные идеологи упорно осуждают в отношении социалистических стран). Суть дела в том, что передовые капиталистические страны, не в пример нам, не только использовали общечеловеческую ценность цивилизации — товарно-рыночное производство.

Товарно-рыночное производство в передовых странах Америки, Европы и Азии движимо отнюдь не только успехами ИТР. Оно расковано, не связано по рукам и ногам тоталитарной политической властью и диктатом идеологии, но главное — имеет неутомимую движущую силу в неутолимом потребительском рынке, ориентированном на основной на потребности «среднего класса». В строго научном смысле это не класс, а необходимый элемент саморазвивающейся товарно-рыночной экономики, требующей в интересах «возрастающего саморазвития» значительных доходов у широких слоев населения. Казалось бы, это посылание может рассматриваться как крупный позитивный факт, ведущий к однородности общества. В действительности же он не устраняет деления капиталистического общества на собственников и наемных работников, а только означает присутствие в экономике «каждодневного» потребителя, который вынужден почти немедленно возвращать свои высокие доходы обратно в экономику. При этом потребители не только и не столько даже при товарном изобилии не получают удовлетворения, достигнутого, а требуют все нового вложения сил в дальнейший рост потребления.

ЯСНО, что в условиях экономической трудности в нашей стране многие буквально запержены и очарованы товарным изобилием западных стран. Отсюда мнение о том, что и нам необходима частная собственность, применение наемного труда и т. д. Возможность добиться и в себе подобного неуклонного потребления оказалась влияние на умы и чувства в странах Восточной Европы, причем даже в тех, которые имели весьма неплохой уровень экономического развития и благосостояния. Будоражит она и нас.

И данный сторонник использования преимуществ товарно-рыночного производства. Но вот сейчас хочу сказать другое, пусть не захлестнет нас миф о позиции трезвого научного подхода, а нужно видеть, что безудержно разрывающаяся товарно-рыночная экономика западных стран существует отнюдь не только за счет их внутренних ресурсов, она еще и продукт выгоды для этих стран международно-го разделения труда и доходов, когда большинство населения мира барахтается в трясине долгов и обездоленности. Взятая сама по себе, эта экономика служит человеку как вечно жаждущему неистощимому потребителю, и в конечном итоге делает его таковым.

Человек становится заложником и жертвой неспешного рыночного Деяния. Галопирующей невесты, куда мчащаяся экономика ведет человека к неразрешимым конфликтам, в существующей в туш. Об этом как раз следующий пункт.

ДА И ЭТО третья линия. Мы видим быстрое приближение к катастрофическим явлениям, угрожающим существованию человечества.

Наиболее тревожащая аспект — конфликт человечества с природой, как в отношении окружающей среды, так и в отношении природы самого человека. Природа уже не в состоянии выдерживать нагрузки очарованного миром издателя товарно-рыночной потребительской экономики, в нарастающем темпе рожающей поразительные достижения научно-технического прогресса. Быстрое продвижение природных ресурсов. Загрязнение природной среды. Кризис человеческой природы, мстительный рост терроризма.

ма, преступности, наркомании, духовной опустошенности. Словом, вот они, всем уже известные глобальные проблемы и кризисы. А что случится, когда эта экономическая скачка улетит еще более и в нее будут вовлекаться все новые страны мира?

Да, меры по экологической безопасности в тех странах, которым доступно выделение на эти цели значительных средств и научных сил, дают оптимистические результаты. Показатели рыбного запаса, загрязненности рек, состояние чистоты воздуха и крупных городов. Но это лишь островки в море всепланетного экологического бедствия. К тому же вовсе не случайно, что именно в странах с казавшимся бы, удаляющейся природной средой расширяется движение «зеленых», настоящих восточных сторонников Римского клуба. Ибо даже в этих странах саморазвивающаяся экономика, пусть менее заметно, опирается на защитные барьеры и наступают на природную среду. Самый же опасный удар — через вал нарастающей информации, через нагромождение потребностей и страстей — наносится на наиболее уязвимое звено в духовном мире человека. Недаром материальное благополучие и обилие свободы ны не просто соседствует со страхом.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО стоит перед выбором.

Либо идеология неуклонной, ничем не ограниченной экономической и политической свободы и либо развитие идеологий свободы и на этой основе — гармонизация жизни людей, обновление и возрождение социалистической идеи, ее гуманный демократический сущности.

Первый путь манит сверхкапитализмом, обостренным соблазном потребления, либеральной вседозволенности, возможностью удовлетворения самых заветных прихотей. Ну, а последствия? Когда они еще будут, да и будут ли вообще — меры по охране окружающей среды, по экологическому регулированию и воспитанию, будут ли становиться все более эффективными. Что же до остального мира, а тем более до «эксплуатации» «наемного работника», «стихийной частной собственности» — хвост на идеологических путях и сказок, порожденных марксизмом, хвостит вообще, есть «свобода от власти», и достаточно, чего еще? Перед тем, какой ход рассуждений людей, не желающих видеть, что именно в этих обостренных условиях и заключен механизм самоуничтожения цивилизации.

Второй путь? Путь социализма? Вот ведь как подулочило! Страны, первой вставшей на этот путь, обещавшие кровавым тоталитаризмом неэффективным, предельно централизованным хозяйством. Потом и другие страны, объявившие себя социалистическими, оказались предельно централизованными и диктаторскими, и там человек оказался отчужденным от власти, от собственности, от своего труда и от его результатов.

И надо видеть факты, такими, какие они есть. В мировом общественном мнении сложилась и утвердилась вот такая недобрая слава о социализме. Стали привычными утверждения: «пронал коммунизма», «конец социализма», «смерть марксизма». А как иначе? Где бы ни установился социа-

листический строй, там с неизбежностью устанавливается и монополия партии на власть, начинают беззакония, воцаряется личная диктатура вождя, влечит жалкое существование неэффективная экономика, вводятся привилегии для избранных и жизни замораживается низкий уровень жизни простых людей — тех самых людей труда, на имя которых устанавливается социализм!

И если все это так, значит, несбыточными оказываются лозунги свободы, провозглашенные Октябрем? Ну, в человечестве новое нет выбора?

Битва за лучшее будущее человечества есть битва. Самые лучшие, самые сильные люди и идеи, время от времени терпят поражение. И мы переживаем такой период истории человечества, когда терпит поражение социализм. Но терпит поражение не социалистическая идея, а только одно из ее ответвлений, социалистическое движение, лидеры которого узурпировали власть в своих странах, узурпировав затем права на идею и практику социализма.

Следует подчеркнуть этот факт — поражение потерпело не социалистическое движение вообще, а прикрывавшийся терминологией социализма утопический, леворадикальный военный коммунизм, отвергнутый В. И. Лениным в конце жизни.

Настоящий же социализм как итог и продолжение достоинств цивилизации в нашей стране по-настоящему еще не начинался. Великая свобода, основанная на том, что все люди становятся участниками отношений собственности, лишь была провозглашена на Октябре, в условиях нила, только-только начавшей реализовываться в хозяйственной жизни, ее начала. Но уже к концу 1920 года стала ставиться шире скола этот процесс. Остались мифы и некоторые внешние аксессуары социалистического строя.

ТАК ЧТО выбор у человечества, исходящего в никуда, может быть противопоставлен подлинно социалистической идее и тому гуманному значению, которое присуще ему по самой его сути. Не хочу судить безапелляционно, тем более императивно, но, помимо на «социализацию» можно рассматривать в качестве наиболее общей тенденции характеризующей мировые процессы четвертая, самая главная линия.

Это значит, что и в рамках нынешнего капиталистического строя под напором социальных требований, выражающих общечеловеческие интересы, происходит явление, приводящее практически к тем самым результатам, которые выражают социалистические идеалы. Отчетливее всего это проявляется в странах Северной и Центральной Европы. Пока неясно, правда, может ли все это преобразовать стихийное развитие экономики в разумно управляемый процесс, дать людям доступ к достоинствам либеральных режимов также и свободу в глубоком смысле, свободу труда, включенности всех работников в процесс собственности. Но и в этих случаях идея социализма и ее гуманный и демократический значимости может рассматриваться как единственно надежная и строго последовательная.

Разумеется, предложенная трактовка социалистической идеи нуждается в более точной расстановке теоретических акцентов, требует безотлагательной научной проработки, сложных вопросов, чтобы решительно отказаться от утопических, нежизненных догм и смело включить в оборот допущения общечеловеческой мысли.

Прежде всего, это взгляд на социализм как на органический этап развития цивилизации. Не отступление от нормы, не политический акцент, а явление цивилизации, включенное в контекст истории, как зерно в оранжерею. Все лучшее, что достигнуто человечеством, должно отразиться в этом зерне, не искажаясь, а обогащаясь глубиной истинной свободы и социальной справедливости, товарно-рыночной, экономической демократии. На основе законности, права и свободы личности, защиты малозабитых и обездоленных.

На мой взгляд, социализм — это никакая не «мифическая» фаза, это к со-

временную эпоху по-настоящему высший строй, интегрирующий на началах свободы и коллективизма передовые достижения цивилизации. С этой точки зрения социализм должен рассматриваться не как нечто промежуточное и потому неполноценное, а в качестве достойного идеала и цели общественного развития.

Думается, нуждается в новом подходе и тот принцип, который в нашей теории постулировался для «высшей фазы» — по потребностям. Сыгравший в свое время для советского народа роль притягательного идеала, этот принцип оказался ближе к реализации в развитых капиталистических странах и там не только выкинул разрушительные черты неограниченного потребления, но и, по сути, оказался перекрыт теми нравственными и гуманными идеалами, которые вытекают из обновленной социалистической идеи. Произошел, казалось бы, странный, но вполне логичный разрыв идеалов между капитализмом и социализмом: неограниченный и бесконтрольный потребительство стало движущей силой стихийной экономики и буржуазного образа жизни, а те духовные, нравственные принципы, с которых начиналась буржуазная гуманитарная мысль, та действительная свобода и права человека, все отчетливее выступают в качестве активного, одухотворяющего центра социалистической идеи.

КАКОВЫ ЖЕ перспективы? Нетрудно предсказать, что в ближайшие годы триумфального шествия социализма по нашей планете не произойдет. Более того, если в теории социализма не будет крупных приростов, если не будет твердых на деле гуманных, а не идеальных, утверждений, свобода людей в сравнении с буржуазными демократиями, репутация этого строя может пострадать еще сильнее.

Тяга миллионов людей, переживших ужасы тоталитаризма и экономические беды, к либеральным свободам, к подлинным полкам магазинов и комфортабельному быту объяснима и закономерна. Перед этим отступают любые «идеи», «добавки», «свободу приверженцев безудержного стихийного развития общества», у которых немало резонов, а еще больше веры и упорства, и мы поймем, сколь неслесные испытания ждут социалистическую идею.

И все же будущее за ней! Горько лишь, что, по-видимому, уже не только нашему обществу, но всему человечеству придется столкнуться с тяжелыми потрясениями, быть может, загнать в смертельную пропасть, прежде чем наступит трудное отращивание. И дело не только в близости экологических катастроф, но прежде всего в утрате гуманных критериев, неизбежной в жестких условиях конкурентного потребительского общества. Придется волею-неволею вновь обратиться к идеям освобождения труда, углубления свободы, упорядоченной саморегулируемой жизни, а ведь это и есть сокровенная суть социалистической идеи.

Но, может, мой не очень радостный прогноз на ближайшую перспективу неверен? Ох, как бы мне хотелось ошибиться! И ведь есть исторический шанс, есть основа для того, чтобы утверждение, развитие и воплощение в жизнь социалистической идеи, осуществилось уже сейчас.

Этот шанс — наше общество, мы все мы с вами. Если бы нам с вами хватило мудрости и мужества, не поддалась эмоциям и соблазнам легких решений, сосредоточить народные усилия на осуществлении социалистической идеи, вбирающей все достижения цивилизации, если бы на этом пути мы начали сейчас, сегодня, в ближайшие дни, раскрывать позитивный потенциал социализма, пошли решительно к регулирующему рынку, демократии на основе закона, к подлинно личностной, то есть, несомненно, уже в нынешнее время испускали бы ярким светом в конце пути, наступила бы туннель.

Мы не имеем права упустить этот шанс, и нас самих исторический шанс. И дай нам, как говорится, Бог мудрости и мужества на этом пути!

С. АЛЕКСЕЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
директор Института
Философии и права
Уральского отделения АН СССР

Человечество стоит перед выбором:
либо идеология неуклонной, ничем не ограниченной
экономической и либеральной стихии;

либо развитие идеалов свободы и на этой основе — гармонизация
жизни людей, обновление и возрождение социалистической идеи,
ее гуманного демократического сущности

ПРИБЫЛЬ

Январь 1990 г.	Январь 1989 г.
(в процентах к январю 1989 г.)	
Производство товаров народного потребления	5,6
в том числе, продовольствие	3,1
прокатов	6
алкогольные напитки	10,9
Денежные доходы населения	14,8
Прирост вкладов населения в Сбербанк СССР	16,3
Валовый напор молока	3
Производство животного масла	3
Производство сахара-песка	59
Производство мыла и моющих средств	13-14
Производство гальванических элементов	15
Производство женских колготок	31
Производство жакетов	31
Производство прокатного оборудования	43

НЫНЕШНЯЯ откровенность статистики ошеломила. В застойные времена мы заведомо знали, что цифры отчетов сообщат нам либо об успехе, либо о достижении, либо — для разнообразия — о трудовых победах, и попросту не обращали на цифры внимания. Но теперь, когда шлози Госкомстата открылись едва ли не полностью и на нас обрушился водопад информации о количестве кормушек, прокатных станков, износившихся и прочих комплектующих современного бурного бытия. Сведений публикуется так много, значимость на так неодинакова, что мы, похоже, успели впасть в другую крайность и теперь уже из-за избытка информации (как раньше — из-за недостатка) по-

прежнему неважно представляем себе реальное положение дел в экономике. Редакция намерена вкратце хотя бы отчасти осветить ситуацию в отношении чистоты, ЛГ, со статистиком. Мы будем сами регулярно знакомиться с экономическими обзорами, отчетами и сводками Госкомстата, будем выбирать из них наиболее важные и красноречивые сведения, будем знакомить с ними вас и вместе с вами разбираться, что они на самом деле означают. Продолжается ли спад, начинается ли оживление? Какие проблемы (или, чем черт не шутит, улучшения) общаются нам завтра, такая статистическая цифра?

Вначале о макроэкономических показателях. За год — с января 1989 года по январь 1990-го — такие важнейшие показатели, как национальный доход, производительность общественного труда и объем производства в промышленности, дружно уменьшились на 1 процент. Это общи и неоспоримый признак спада, который переживает сейчас наше хозяйство, можно сравнить его с уменьшением выработки в организме жизненно важного вещества — снаем крови. К тому же кровь существенно замедлила свой бег по сосудам, ибо уменьшился объем грузовых перевозок. Однако кое-что из макро-возросло — например, производство товаров народного потребления (статистика честно добавляет и розничные цены). Не бешую сумму произведено нами продовольствия, прокатов, но особенно удержались в росте алкогольные напитки, отмечая тем самым бесслышный конец очередной кампании. Гораздо же выше скандали денежные доходы населения. Если б так увеличилось производство, мы махнули бы на первое место в мире

по темпам развития экономики, но пока мы можем рассчитывать лишь на высокое место по темпам накопления вклада в Сбербанк, то есть отложенного спроса граждан. Этот долг не менее доказательно, нежели очереди и разгул спекуляций, прокладывает, что на самом деле производство многих товаров в штуках неграмотно и неграмотно было бы перенести из левого в правый столбец.

Интересные дела вообще в финансовом хозяйстве. В прошлом году были бурные дебаты насчет дефицита бюджета, договорились снизить его на 60 миллиардов рублей — поминте! Не вышло, снизили только на 14 миллиардов, остальное пошло на вложение в село, на конверсию «и др». Большие споры были по поводу инфляции. В итоге посту-

ление налогов уменьшилось с предпринятием. И почти на ту же сумму возросло с населения! Это значит, что весь прошлый год население усердно стриглось и производителями (через цены), и государством (через акцизы и налоги), и Сбербанком (через отрицательные если учесть инфляцию, процент на вклады), и спекулянтами да валютчиками всевозможными. При этом вклады в Сбербанк только в январе возросли на 43 миллиарда рублей! А все потому что из окошечек масс продолжали заставать, и даже увеличивались, потоки свежееопеченных, не подтвержденных полезным трудом ассигнований и кичлиго пона не изменилось от речей депутатов, газетных статей и даже от знаменитого «трехпроцентного» постановления.

Неважно, дела с вводом жилья — это вы видите и по цифре отчетов, и по давлению собственности очереди на квартиру. Еще хуже то, что в нынешнем январе было построено запланированной жилищности раз в семь, а школ, детских и поликлиник — раз в десять — двадцать меньше месячного объема! Это ли не повод Комитету по делам строительства поднять великий шум в Верховном Совете? Но нет, по этому поводу шума что-то не слышать.

Продолжаются наши продовольственные чудеса и загадки. Денег в социалистический агрокомплекс вкладываем, опять больше прежнего, а техники в нем работает все меньше, мяса дели колхозы с совхозами тоже меньше, чем в позапрошлом году, и даже курочки почему-то хуже стали нести. Молока надоев больше, а молочных продуктов в торговлю поступило меньше, и это значит, что не потребление растает, как надо бы, а без того чудовищные потери. Сливочное масло — произвели на 6 процентов больше, купили и свезли на столько же меньше, чем годом ранее! Ушло на экспорт? Кому? Почему?

Остается непонятным балансировка дефицита в нашей плановой экономике. Рванули в производстве сахара-песка, прибавили со стиральными порошками и батарейками, зато снизили производство мотоциклов, например, и карандашей, не говоря уж о сигаретах. Тришкин кафтан! Так ведь на 21 процент произвели прибавку в экскаваторах, которыми за отсутствием великого строя нечего будет копать, это же сколько можно было мотоциклов наделать! Короче говоря, еще один год ушел на подтверждение известной истины, что централизованная, тотально государственная экономика в принципе ДЕФИЦИТНА.

УБЫЛЬ

Январь 1990 г.	Январь 1989 г.
(в процентах к январю 1989 г.)	
Объем промышленной продукции	1
Национальный доход	1
Производительность общественного труда	1
Объем грузовых перевозок	4,6
Ввод в действие жилых домов	2
Число тракторов в хозяйстве	1,9
Производство мяса в колхозах и совхозах	2
Яйценоскость кур в колхозах и совхозах	3
Поступление в торговлю молочными продуктами	1
(в том числе животного масла)	4
Производство мотоциклов	4
Производство наркотиков	11
Производство папирос и сигарет	8
Производство кремов для бритья	17

Спад продолжается. Надежда — на новые экономические отношения, установленные новыми законами о собственности и земле. На президентскую власть, единственно способную вкратце эти законы в гигантскую толщу нашей хозяйственной жизни.

И в заключение — прибыль, которая никуда не ушла (в процентах к январю 1989 г.). Преступлений в состоянии опьянения — 20. Умышленных убийств и покушений на убийство — 27. Случаев загорания огнестрельного оружия — 240. ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ И НАУКИ АЛГ

Исследовать партбюро предприятия
лишь попытаться выяснить меру причаст-

ЖАНТИЛЬНАЯ, бархатная, нежная революция. Высоко над Прагой, на смотровой площадке Летенского сада раскинувшись ватром колокол, поднят в те дни как символ бабьего всенародного гнева, под ним и сегодня можно увидеть гроб с множеством битых гвоздей. Но колокол неопластанный, не гудит, гроб без покойника, разобранные кое-где кубики мрамора, кони площадки вымощены, на булыжниках не похоти — все, на первый взгляд, чуть оперно, декоративно. На фоне же изобильных, по московским меркам, витрин и дружелюбных прохожих население эти знаки революции кажутся и вовсе нарочитыми. Верно ли, что первое впечатление самое верное?

На конгресс «Торговля, сотрудничество и инвестиционные возможности в Чехословакии» в Прагу собрались люди бизнеса из 25 стран Западной Европы, обеих Америк, Австралии и Юго-Востока. «Социалгаст» остался за скобками, тем более интересно было послушать доклады поговорить с участниками конгресса и радиации, которая предоставляла «Литературной газете» такую возможность (Здесь я должен отметить двойственность отношения к советским в сегодняшней Чехословакии — колючие взгляды на улицы, в магазинах, в гостиницах при звуках русской речи, возмущение на заборе: «Иван! Дона ты человек, здесь ты окупант!» — вполне нормальный, порой даже сердечный контакт с теми чехами и словаками, с кем довелось общаться.)

Пожалуй, интереснее всего на конгрессе (ведь участвовал в нем не только бизнес, но и представители правительства ЧССР) была похожая двойственность взглядов на «национальную» будущую свободу страны. Одну позицию изложил президент строительной компании «Бовис» (объем работ почти 9 миллиардов долларов на четыре континента) сэр Лампл: «Теперь вам придется работать быстро и осторожно, чтобы исправить результаты последних 40 лет, когда ваш народ находился под давлением чуждым ему властям и идеям. Подобный в вес ваш энтузиазм, чтобы преодолеть неизбежные трудности приватизации, инфляции и безработицы. Но наш интеллигентный, трудолюбивый народ имеет большие шансы на преуспевание. Мы верим, что Чехословакия преобразуется сама и создаст модель для перехода к свободному обществу также и другие страны».

Заместитель же председателя правительства ЧССР доктор Рангел видит перспективу несколько иначе: «Мы — цивилизация на стыке двух культур, которая издавна была включена в культуру восточную, но корни имеет и в западной. Это серьезная наша проблема, но можно превратить проблему в выгоду, став мостом для передачи западных культур на восток».

Еще определеннее был министр внешней торговли ЧССР Барнак: «В нынешнем году торговля с союзниками снизится, но Советский Союз остается нашим главным партнером, пока незаменимым в качестве крупнейшего потребителя наших товаров и поставщика сырья. Ориентируясь на Запад, мы не должны терять свои позиции в Восточной Европе, а напротив, должны извлечь выгоду из рыночного основания».

Итак, одна точка зрения — Чехословакия должна как можно скорее с помощью Запада переориентировать свое хозяйство по западному образцу, переоборудовать механизмы, блоки и войти в процветающую ЕЭС. Другая — история и положение страны таковы, что больше выгоды и меньше потерь ждут ее на пути самостоятельного развития. Выбор для каждого случая выходящего партнера между Востоком и Западом. Третья, «нагнетая» бывшая долгое время единственной, более не существует и обобщается на это не нам, сколачивавшим лагерь скрепами не только из трубопроводной, но порок из лучшей танковой стали.

Один из множества награвуших в Чехословакию бизнесменов — Джон Доил вице-президент компании «Мерил Линч», занимающейся прибыльными вложениями денег из пенсионных фондов США. Мы сидели в скромной квартире его родственников на винограда, и мистер Доил на чистом чешском (в 1949 году он эмигрировал через Австрию в Канаду, затем в Соединенные Штаты) рассказывал почему американский капитал заинтересовался Чехословакией. Ситуация здесь сегодня казалась он, аналогичная той, которая была после капитуляции в Японии или в Германии. Только там промышленность была почти уничтожена войной, а здесь она измождена или безнадёжно устарела. Для инвестиций эта разница безразлична. Представьте себе, что вы вложили деньги в японскую промышленность через два месяца после капитуляции — где бы вы сейчас были? Ведь Япония в то время была в сравнении с Советскими Штатами не же самов, что сегодня Чехословакия. Европа в сравнении с Западом. Но Япония с Америкой разделила океан, азия, культура, совершенно иной менталитет — ни одного из

этих барьеров Восточная Европа, и счастье, но имеет, и это гарантирует и быстрый ход процесса выравнивания, и его успех.

Надо начинать, объяснил мистер Доил, с приватизации государственных предприятий. Как это сделать? Возьмем фирму, которая выпускает в Чехословакии автобусы «Татра». И возьмем американскую фирму, которая выпускает американские автобусы для западноевропейского рынка. Эти фирмы могли бы объединиться, американская передала бы чехословацкой новое оборудование, чертежи, комплектацию на свои автобусы, а главное — капиталовложения в доллары, достаточные, чтобы стать владельцем половины производственных фондов. Другая половина по-прежнему принадлежала бы государству. Таким образом, Чехословакия будет производить автобусы по самым передовым технологиям, продавать их в Западной Европе и получать за это твердую валюту. Со временем и американская фирма окупит свои расходы и получит прибыль. Всем хорошо. А если что-то не удастся продать на Запад, это охотно купит Восток.

Мистер Доил, заметил я, — это прекрасная схема, но это не чешская и не словацкая, это американская приватизация чехословацкого предприятия. Теоретически вариант, возразил мистер Доил, один из многих возможных. Кроме того, сказал я, трудно представить, чтобы переполненный рынок Западной Европы с распростертыми объятиями встретил «американские» товары из Чехословакии, особенно если они окажутся некачественными и дешевле своих. Ведь это означает, по сути, отдалить Восток от Европы своим главным дефицит — рабочими местами. Что ж, сказал мистер Доил, это наш риск, от которого выиграют вы, советские.

Опытнейший инвестор, этот крестьянский облик симпатичный мистер Доил, еще и лукав. Получается у него, что мы не менее американцы заинтересованы в успехе американско-чешских предприятий. Дескать, что бы ни производили они — обувь, станки, автобусы, — стоит это будет пусть и в твердой валюте, но заведомо дешевле, чем товары почти так же хорошего качества прямо из США. Пусть так. Однако ведь и мы развиваем у себя совместные предприятия, готовимся не только к насыщению собственного рынка, но и к прорыву в ту же Западную Европу — не как же зарабатывать валюту на сырьё! Что, станем конкурентами со вчерашними партнерами по СЭВ?

В Чехословакии нет Сибири, поэтому сын землевладельца Властимила Экрт переехал коллективизацию в своей родной северной Чехии и даже закончил сельскохозяйственный институт, хотя, как сын кулака, «имел проблемы». Зато выпускные экзамены сдавал «по экономике» Шенки (как раз 68-й) и проделал путь в родном селе Либчевце от практиканта до директора, одновременно госхоза. Присматриваясь к жизни в Чехословакии, что все эти годы его семья продолжала формально владеть участком в 6 гектаров, так что и развозил не просто с директором, а еще и с землевладельцем. Мы у себя все пытаем друг друга разному собственническим инстинктам, стигнем угодия, которая нас захлестнет с разрешением частной собственности на землю, а вот землевладелец Экрт отнюдь не приветствует проект приватизации, по которому сады, поля, луга и пастбища госхоза должны быть вновь разрезаны на участки и возвращены прежним владельцам, а их полное распоряжение. Почему, Властимила?

Этот вопрос оказался главным. На все предыдущие Экрт отвечал мне в своем кабинете, смеющимся на оркестровом (сеголет на высокие цены машин, горючего, удобрений, на низкие закупочные цены на свою продукцию — как нормальный директор нормального колхоза, а тут подхватились — поведем поспотривать. И ушел величественный сад на полусгнившие гектары и прекрасное фруктовое хозяйство, где в холодильниках имеем разоблаченные чистые и крупные яблоки, американского сорта Золотая Галиция, и показаны мне были экологически чистые запорочные станции, ремонтные мастерские с собственным ремонтом, расчистка мусора и кормовые с охотничьими сооружениями. С видом лауреата открывающего милому моему собеседнику Экрт явил меня в коровник, который начинался вообще с саунды для персонала и кабинета для компьютера (на компьютере рассчитывались коровники, ричи), а когда мы оказались собственными в коровнике, в оштукатуренном и смутном желании остаться здесь навсегда — может быть, в качестве даже коровы. Савло чисто здоровый воздух, научное кормление, образованная дочка, господа, которое поколение наших буренок доводит до такого! Экрт же на слухившись впечатлением, сказал свое как можно это все разделить? Где тут мой личный 6 гектаров?

Конечно, могут быть варианты, например, выпуск акции госхоза и их распределение по вкладу в общее хозяйство.

Владимир СОКОЛОВ, спец. корр. «ЛГ»

БАРХАТ И НАЖДАК НЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

во — в этом случае землевладельцы (а у многих участков земли в Чехословакии сохранились формальные хозяйства) должны получить дополнительные льготы и соответствующий доход. Но ведь это будет эксплуатация тех, кто пришел в госхоз со стороны и принес только свои руки. Трудятся люди одинаково, а получают разное лишь по той причине, что у одного дедушка имел землю, а у другого батрачил. — Это так? Экрт не спорит, со справедливостью на селе всегда было несправедливо, грабятца приватизация ее не прибавит, если Надежда не зарывает смысл крестьянства, да не то, что новое руководство не впадает в привычную нашим народам крайность и не поведет тотальную приватизацию, да еще теми же методами (и с теми же печальными последствиями), что когда-то шла тотальная коллективизация. Экрт за разумное сочетание частной собственности и коллективизации, пусть они не гудят друг друга. Точно так же и город с селом должны решать свои проблемы сообща, не за счет один другого.

Последние же месяцы между городом и селом в Чехословакии разгорается полемическая интересная и для нас ключевая вопрос — дотации. Руководители заявляют, что до сих пор село жило на дотации, а теперь настало время поставить все в равные условия и заставить всех работать одинаково напряженно. Село не соглашается, указывая, что первоначально свои дотации в промышленности и в сельском хозяйстве за счет дорожных работ и услуг, а теперь ему придется покрывать из собственного хозяйства низкую эффективность работы городских предприятий. Спор ведется уже в политическом плоскости. На пресс-конференции (где довелось на нем побывать) президент Гавела довольно сдержанно спросил, почему он, успех побывать в нескольких странах, так и не выбрался в сельскую местность своей страны. Президент отшутился. Но Экрту, директору

госхоза и землевладельцу, не до шуток, ибо он сказал мне, у сельской общности складывается мнение, что бархатная революция — это заговор города против деревни.

В подтверждение Экрт прочел мне статью представителя одного из крестьянских партий (в сегодняшней Чехословакии из 4) опубликованную в газете «Земледельческие новости». Говорилось, в нем «в ноябре мы покупали бархат, когда же сегодня открываем этот пакет, он нарушается там наждаком шуршу. Сначала сменили правительство национального согласия, потом парламент Гусак в конце 60-х годов по этой же схеме избавился в парламенте от демократического большинства. Демонстрируется власть коммунистов в сельском хозяйстве. На практике это выглядит так: по предложению местных организаций Гражданского форума с должностными лицами не только дискредитированные себя аппаратчики, но прежде всего директора госхозов и председатели сельскохозяйственных, а также агрономы, инженеры, зоотехники. Сейчас коммунисты села должны стыдиться того, что десятилетиями вместе с остальными тружениками обеспечивали стабильность и достаток относительно дешевых продуктов в городах. Возникает презумпция коллективной вины за членство в КПЧ».

Я спросил Властимила, как работает директор без партийного контроля? — Сложно, — был ответ. — С одной стороны, критикуешь и оцениваешь свою работу, а с другой — ты не можешь ни о чем сказать, потому что все, кому хочешь это сделать, не поддерживает, не нахожу ни одного Рамки не существует, руководствосельским хозяйством далеко в Праге, районные не управляют только районными инструкциями, сами не решают ничего. Профсоюз в распада, советские трудящиеся коллективы по закону не имеют никаких полномочий, кроме одобрения или отклонения. Единственная сила, которая может все изменить, — это народ.

Другая странность — как совместить демократические лозунги «бархатной революции», обещанный ею расцвет плюрализма со все более очевидным диктаторством Гражданского форума, усиливающегося подавлением (не сказать — преследованием) еще недавно господствовавшего коммунистической идеологии, с интерпретацией и инстинктивно не меньшим, пожалуй, чем у предыдущего режима. Осталось объявить официальную «беруффербот» — запрет на профсоюз для бытовых и управленческих членов компартии, но и без того они сегодня первые кандидаты на увольнение при кадровых перестановках, сокращениях, не говоря уж о грядущей безработице. Идет печальный счет покойничкам с собой бывших партийных работников, не выдержавших прессы, не вышедших много способа отвести угрозу от близких. Дошло до того, что управленческие — те, кто и в прошлом честно работал на благо народа, кто вступал в компартию по убеждению, кому противно быть крысой, бегущей с тонущего партийного корабля, — серьезно думают об эмиграции и готовят площадки (нет, не в СССР), и в этом смысле может повториться ситуация 1968 года, когда страна фактически вышла из коммунизма, но в худших условиях.

Изначальный был разговор у меня с одним принципиальным антикоммунистом, русским по происхождению, сыном дворянина, эмигрировавшего из России после революции. Убеждения этого человека имели под собой основу — его отец заблудил лита от большевиков и в России, и в готвальдовской Чехословакии, да и сам он лишился любимой работы в 1968-м, завянув несогласие с нынешним вторжением. Там удивительное было услышать от него, что последние недели вынуждают его с ужасом наблюдать в себе симпатии к коммунизму, более того, если и дальше будут так безобразно преследовать, а он будет с тем же достоинством защищать свои идеи, боюсь, не останется ничего, кроме как вступить в компартию. Так думает не он один. Чем сильнее давит пресс Гражданского форума, чем резвее немцы бегут из КПЧ, со временем «разочаровавшиеся», тем быстрее прорывается к обострению, что сорок с лишним лет правящая партия аккомпанировала в себе не одна лишь беспринципность политиканов и продажных аппаратчиков, но и гораздо большей степени — как единственная возможность самореализоваться в карьере

людей способных, инициативных, работящих. Если они не вышли на партию при Якове, то почему это надо делать сейчас, когда появилась возможность отойти, переосмыслить ошибочные взгляды, выработать новую программу и на равных с другими партиями вступить в новую демократическую жизнь? Такая позиция, насколько я могу судить, вызывает трюки, напером, даже скрываемое от антиквистов Гражданского форума сочувствие обывателя, и он же, обыватель, придумывает и переделывает изустно все новые и новые расшрифтованные аббревиатуры ОФ, все менее лестные для этого движения, считающего себя народным.

Почему же все происходит именно так? Размышляя над этим, приходится к единственному, кажется, логическому объяснению — революция в принципе не может оставаться бархатной. Слишком быстро в Чехословакии произошло разрушение прежнего (басприсно) прогрессивного и нежизнеспособного аппарата государственной власти; так быстро, что новые, подлинно демократические структуры попросту не успели сложиться. Строго говоря, ведь и Гражданский форум нельзя назвать демократической структурой — народ не избрал его лидеров, не признавал законным право этого движения смещать администраторов и назначать других. Форум замал образовательный, но в вакууме власти буквально атомным порядком, не имея глубоко продуманной программы действий, не имея достаточного подготовленных и опытных руководителей. Свидетельством тому — энергичные перемены в новом правительстве, пасанс с неполной колодой карт, в которой к тому же большинство фигур теоретиков или эмпириков, но малоавтоматических профессионалов с опытом практической работы. Обывательный, умевший, артистичный президент Гавел не скрывает, что его сотрудники по руководству страной не профессиональные политики, напротив, даже утверждает, что они делают политику (стан, напомню, несколько недель) лучше многих профессионалов. Трудно отделиться от впечатлений, что и роль самого президента — может быть, лучшая у этого талантливого человека, но все же роль.

И начинаешь понимать еще одну особенность ситуации слишком быстрого обрушения прежней власти. Нет другой организованной политической силы, которая могла бы заменить ее сверху до низу своими кадрами, прошедшими внутрипартийный отбор и нацеленными на дело (о самоуправлении на местах после сорвала лет тоталитаризма говорить не приходится), и в этих условиях кажется естественным, когда Деминке, Форум или Фронт выдвигает на ключевые должности людей, преследовавших прежним режимом. Кажется, что противостоят, в основном образом — перемены страдания и унижения сплотились в партию, антикоммунистическую правящую, но на деле оказывается, что это не так. Единство между ними чаще всего не наблюдается, зато частенько наблюдается, что годы страданий и унижений делают головы человека задачу отомстить своим обидчикам. Он и будет, а первую голову мстить, а уж затем заниматься процессом порочного ведомстве. Это понятно. Но это плохо для него, для государства, да и для народа в целом, поэтому в конце концов демократические механизмы снова выведут мстителей из политической сферы, но где пока те механизмы и сколько будет до тех пор сведения счетов, оставлено жизнью.

Словом, проявляется старая, как история всех революций, причина того, что на обломках рухнувшей диктатуры почти неизбежно утверждается новая, часто более жестокая — ее устанавливают сформированные прежним режимом люди, а другие в этом обществе просто нет (во всяком случае, в нужном количестве). И жестокость покаяния — прежние обиды новых лидеров, поминание на великодушные цели (свобода — равенство — братство, счастье мирового пролетариата, постиндустриальное демократическое общество на рыночной основе), позволяющий «порок» приемлемости жертв, неизбежных при всякой революции.

Конечно, Чехословакия сама разберется с своим проблемами, и не для жителей этой чудесной уютной страны я рассуждаю вслух. Но ведь хавет и у нас интерпретация, заставляющая нас реформы в чужих государствах, поскорее опустившей бюрократический аппарат — а там видно будет! Что будет видно! А вот, спорит. История дает нам предупреждающие уроки в «бархатизации», выбирая, анализируя, на себе примера. С поправками, конечно. Не нашу бедность, ожесточение, национальные распри и ядерные погробы.

КАК СПАСТИ ДРУЖБУ?

Среди многочисленных парадоксов этой называемой общественной жизни нашей страны в эпоху застоя можно назвать и существование ассоциаций граждан, в которые эти граждане... не допускать. Вроде Союза общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Именно в него входит объединение друзей Франции.

Первая из советских организаций такого рода, родившаяся в 1958 г., общество «СССР-Франция» собралось тогда на свои праздники чуть ли не всех членов Политбюро и прославилось среди интеллигентной сенсационной премьерой, наважась в стране П. Пикассо.

Через ассоциацию осуществлялись многие неофициальные контакты между двумя культурами, да и порой политический двух стран, и эта своеобразная монополия на «опасные связи» придавала обществу и всему ССОДу и блеск, и вес. Естественно, «допущенных» к общественной деятельности было не много, их тщательно отбирали.

Небольшое число общественных деятелей вполне хватало для представительности целей. Перестройка дала общественности шанс взять в свои руки судьбы ассоциаций. И некоторые уже тронулись по дороге реформ. Об этом шел разговор во Дворце культуры московского автозавода ЗИЛ. Можно ли вы-

весить наше общество из кризиса? Нужна ли еще кому-нибудь объединение друзей Франции, если нет больше у него монополии на советско-французские контакты? Как в этой связи должны строиться отношения между ССОДом, министерством по делам дружбы и нашей ассоциацией?

По общему убеждению, кризис будет преодолен, если удастся превратить организацию в подлинно общественную, действующую на демократических началах. Если общество «СССР-Франция» перестанет быть вспомогательной пропагандистской и парадной службой, поворачиваясь лицом к тем многочисленным гражданам нашей страны, которые интересуются Францией, и сумеет привлечь на. Если упор при этом будет сделан на самоуправление, постепенное введение демократии, создание коммерческих структур и, естественно, индивидуального членства.

Что касается Союза общества дружбы, то по моему убеждению, он способен сохранить свою роль, в том случае, если сумеет быть полезным общественности, а не будет стремиться подменить ее или руководить ею. То бишь расстанется с министерскими функциями. Они не к лицу фее Дружбы.

А. ИГНАТОВ, член президиума совета общества «СССР-Франция»

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ ИЗ...

Заметки с чрезвычайного съезда Союза писателей ГДР

С первых послевоенных лет, когда литература помогла демократическим силам молодого социалистического государства расширить границы сознания, оставившие нацистской диктатурой, вплоть до прошлого десятилетия, своего взрыва она была охватом волюнтаризма. Его не раз пытались загнать. Так было, например, в конце 50-х годов, когда административными решениями ХХ съезда КПСС писатели ГДР бросили открытый вызов немецкому сталинизму. На публичном политическом процессе, состоявшемся в 1957 году, директора литературного издательства «Ауфбау-Ферлаг» Вальтера Яну и трон его товарищи обвинили в попытке свергнуть социалистический строй реставрировать капитализм и отправить в тюрьму Вальтера, откуда можно было вызвать развал, что и господа богу да и сотрудникам «Штази» (так называют в обиходе бывшие Министры государственной безопасности ГДР). В последующем тактика апостолов «назаретского социализма» приобрела все более изощренный характер. Чтобы не было и тени сомнения в гуманизме социалистической демократии, писателей больше не судили — их просто заставляли такие условия, в которых они считали за благо покинуть родину.

Да с лишним года назад на Х съезде писателей ГДР тот и заповым языком, но достаточно ясно было сказано, что страна находится в состоянии глубокого политического, экономического и духовного кризиса, что промедление с демократическими реформами смерти подобно. Увы, и этот раз отскакивал до широ-

кой общественности не дошел — вылившаяся центрами стенограмм съезда возмущала задуху социализма в цветах ГДР. Будучи на протяжении десятилетий глашатаями свободы и демократии, писатели просто растерялись, не зная, как воспользоваться неожиданным даром судьбы. И из года в год все больше отставали от жизни, теряли влияние. Пожалуй, последний впечатляющий акцией, проведенной ими совместно с другими творческими союзами, стала демонстрация в защиту конституционных прав, состоявшаяся 4 ноября на берлинской площади Александерплац. А вот попытка организовать патристическое движение в противовес потоку беженцев была дискредитирована в тот момент, когда под воздействием «За нашу страну» поставили свои подписи Эгон Кранц и другие руководители партии и государства, оказавшиеся политическими банкротами.

Улицы проходили революционные образования гораздо быстрее. И наступил момент, когда душой авангард общества превратился фактически в его эрархия. После добровольной отставки в декабре Гертхарда Кента с поста председателя Союза писателей ГДР стало ясно, что творческая организация стоит на грани распада.

В критической ситуации и состоялся недавно чрезвычайный съезд. Из 1012 писателей, входящих в союз, на съезде приняло менее половины. От-

сутствовало большинство именитых литераторов, не пожелавших вступать в публичные распри с «молодежью». Беру это слово в кавычки, потому что средний возраст членов союза приближался к пенсионному — 58,8 года.

На сей раз не было традиционного установочного доклада, любой из докладов имел право высказаться. Чтобы до глубокой ночи, и не только выступление отводилось не более шестнадцати минут. Почти половина времени надели споры о новом уставе, было предложено шесть вариантов. Каждый из них предусматривал коренную ломку структуры. В числе наиболее радикальных идей — принимать а союз не по опубликованным книгам, а по результатам обсуждения рукописей, принимать только тех, кто пишет не немецком языке. Оба они не получили одобрения. После долгих дебатов было отклонено и предложение переименовать организацию в Немецкий союз писателей.

Съезд не сумел преодолеть кризис. Весомо точно сказала об этом Криста Вольф: «Разногласия не устранимы, а лишь приглушены».

Председателем Союза писателей ГДР съезд избрал 55-летнего поэта, драматурга Райнера Кирша. Широкому кругу советских читателей этот талантливый писатель мало знаком — литературной деятельностью печатался лишь отдельные его стихи. Но в ГДР он очень популярен. Пользуется большим уважением за

стойкость и мужество. Еще в студенческие годы был исключен из института за инакомыслие, несколько лет незад по той же причине изгнан из СЕП и Союза писателей. Сразу после окончания съезда в посприис Райнера Кирша дать эксклюзивный интервью для «Литературной газеты».

— Мне близка русская, советская литература. Перевожу Горького, Маяковского, Есенина, Мандельштама. Знаком с многими поэтами СССР. Сожалую, что в последние годы связи между писателями Советского Союза и ГДР разваливаются не столь интенсивно, как прежде. Отчасти, на мой взгляд, это объясняется стремлением наших литераторов печататься на Западе, получать гонорары за твердой валютой. Скажу, конечно, и о вас, который ценит сейчас, а наши издатели. Требуется улучшить качество перевода, есть немало и других проблем — решать их надо сообща. Правление Союза писателей ГДР готово и решительно и углубленно сотрудничать.

— Мы разрываемся а совершенно новом качестве. Нет больше союза, имеющего единую точку зрения на существующее политическое и литературное положение. Есть группа литераторов, объединенных стремлением выступить в не легкой борьбе за свое существование... Примерно так оценили итоги чрезвычайного съезда Р. Кирш, К. Вольф и другие писатели. По их мнению, творческая организация все более приобретает характер профсоюза. Конечно, путь, избранный писателями ГДР, продиктован экстраординарными обстоятельствами. Но становится все более очевидным, что ведет он не в арам, где царствуют божественные Музы, а из него.

Игорь ОСИНСКИЙ, спец. корр. ТАСС — для «ЛГ»

В материале Владимира Симонова, опубликованном в «Литературной газете», мы в этот раз, ужо сообщалось, что журнал «Дадалус» Американской академии искусств и наук напечатал статью неизвестного автора, подписавшегося псевдонимом Z. Этот довольно солидный по объему материал вызвал многочисленные отклики во всем мире. Он посвящен анализу нынешней обстановки в СССР и социалистическом мире в целом. Главным выводом анонимного автора: «1989 год войдет в историю как начало окончательного кризиса коммунизма, и не только в России, а от Балтийского до Китайского моря, от Берлина до Пекина».

По просьбе редакции с известным американским ученым-политологом из Института по проблемам войны и мира Колумбийского университета в Нью-Йорке профессор Роберт ДЖЕРВИС.

Кем же может быть автор? Коммунистическая партия может теперь заручиться поддержкой населения? Ей ведь теперь приходится обращаться со своими гражданами как с избирателями, а поддержка которых получает та политическая партия, которая покажется наиболее способной управлять так, как того желают избиратели. Это стало бы революционным преобразованием советской системы, и Z сомневается в том, что лидеры коммунистов допустят подобное. Но альтернативы могут быть и не столь однозначными. Степень самостоятельности не обязательно означает абсолютную демократию. Путем свободных выборов могут быть заняты отдельные посты, а некоторые властные функции можно на определенное время просто зарезервировать за партией. Советский Союз — это не Восточная Европа. Коммунизм здесь может иметь еще достаточно поддержку, что позволит ему выжить в условиях полусвободной системы. Это не значит, что такой исход был бы желательным или что этого определенно можно достигнуть. Но картина, нарисованная Z, исключает подобные возможности, а исключать их полностью нельзя.

В экономике, как и в политике, монополия приводит к неэффективности, а затем к коррупции. Советская экономика не сможет двигаться вперед, если не снизит степень централизации в планировании и не увеличит роль свободного рынка. Но отказ от субсидирования, позволит устанавливать цены в зависимости от спроса и предложения, допустить безработицу, значит было бы не только подорвать могущество партии, но и вызвать народное недовольство, а возможно, и волнения. Американцы думают, что демократия и свободный рынок идут бок о бок, однако нет оснований полагать, что так будет и в Советском Союзе. Не следует считать, что выбор находится между существующей системой и той, которую западные экономисты рассматривают как идеальную. Здесь вполне возможны половинчатые меры, которые бы в значительной степени снизили централизацию, увеличили конкуренцию и уменьшили, но не устранили роль Коммунистической партии.

Если будущее (советское общество) окажется более открытым, чем его видит Z, как следует поступить США? Первое — признать, что судьба Советского Союза зависит прежде всего от процессов в самом советском обществе и от его политики. США могут оказывать лишь незначительное воздействие. Но и такое воздействие способно давать реальные плоды. Нам следует делать все, что в наших силах, чтобы облегчить тот переход в СССР для утверждения разнотипного гражданского общества. Советский Союз должен быть уверен, что ему не нужна слишком мощная государственная машина для противостояния угрозе со стороны Америки.

Да, сегодня не вполне ясно, сможет ли СССР трансформироваться. Но если бы перестройка проявилась, это стало бы несчастьем не только для Советского Союза, а для всего мира. Поэтому мы и не можем оставаться безучастными к тому, как у русских идут дела.

НЬЮ-ЙОРК

Золотой фотограф

2 апреля исполнилось 150 лет со дня рождения Эммы Золы. Беспощадный реалист, создатель эпопей «Угрюм-Мор», блистательный журналист и общественный деятель, чей гражданский пафос проявился с особенной силой в пламенном письме к обанкротившемуся и сходящему с ума Францу одному из самых читаемых авторов.

В 1888 году, в возрасте 46 лет Золы увлекся искусством фотографии. Он фотографировал своих родных, близких, друзей. Снимает окрестности Медана, где проводил около восьми месяцев в году, виллы Парижа, не упуская мельчайших деталей жизни города. Лондон, где почти год живет в изгнании за свою

Известный советский германист и переводчик немецкой литературы Юрий АРХИПОВ по стипендии имени Гельдольфа (для специалистов СССР в области немецкой культуры и русско-немецких культурных отношений) полгода работал в архивах, библиотеках и университетах ФРГ, встречаясь с крупнейшими мастерами западногерманской литературы. Ю. Архипов попросил своих собеседников ответить на два вопроса специально для «ЛГ». Какую роль в вашем писательском становлении сыграла русская литература? Как вы относитесь к переменам, происходящим в нашей стране?

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Известные западногерманские писатели
дают интервью специально для «ЛГ»

Зигфрид ЛЕНЦ:

Мне было тринадцать, когда началась вторая мировая война. Пятнадцать лет — когда немецкая армия пала на Советский Союз. Война ворвалась в мое сознание неожиданно. Помню, меня поразила деталь: в Германию еще прибывали поезда с советскими военными, а немцы уже бомбили советские железные дороги. В школе мы постоянно слышали об успехах вермахта, о том, сколько русских взято в плен. О судьбе этих пленников мы тогда не задумывались. Времени мало, война длилась. На последнем ее году признали и меня — служил на флоте, на Балтике. Первых русских пленников я увидел в Копенгагене, они грузили уголь в порту. Один из них предложил нам вырезанную из дерева птичку в обмен на то, чтобы съестное. Это было незадолго до окончания войны. Вскоре я переехал в Данию к себе в Гамбург. Стал работать и вечерами учиться в университете. Времена были в обрез. И все же его хватало на чтение Достоевского, Толстого, Тургенева. Наибольшим потрясением стал Достоевский — и остался он до сих пор. Дважды в жизни я внимательно прочел полное собрание его сочинений. Не раз писал о нем. Однажды — в компании с Целлем, Носсоком и Мабрюром — выпустил о нем книгу статей. Недавно опубликовал о нем отдельную брошюру под названием «Верующий скептик».

В молодости мне, бедному студенту, в намерении всех был Раскольников. В этих переживаниях разочарованного сознания с Наполеона на старуху процентщицу было для меня что-то демонически притягательное.

За Достоевским, как я уже сказал, последовали Толстой, Тургенев, другие «помещики». Проникнулся интересом к политике, к философии, и стал читать Бердяева. Россия все больше представлялась мне страной небывалого опыта и страстей, подчас темных, опасных, зарыженных утробами со стороны власти и имущих. Что-то подобное чудилось и в истории ее, особенно петровских времен. Этот экспансионистский ракурс, не ведающий предела. Интерес к русской истории подогревался и тем, что генералы русских правителей нередко восходят к немецким корням — Екатерина Вторая и многие другие русские венецианцы были или немцами, или в родстве с немцами.

Меня всегда завораживали в русской литературе ее, так сказать, невыдуманные, трагические детективы — от «Замоскворецкого дома» до «Архипелага ГУЛАГ», до Дудинцева, Трифонова, Распутина. В целом, конечно, можно сказать, что Россия — это сверхдержава в литературе.

Вот у меня на полке стоит полный Набоков Мастер изумительный. Но для меня он немного не русский, что ли. Возмните, даже биографию его — Петербург, Кембридж, Берлин, Париж, Соединенные Штаты наконец. Шендариус, Женевское озеро, где он умер. Везде жил и везде писал. И писал блестяще! Но если спросить, чьиим именем помечен для меня русский духовный континент, то Набоков как-то не придет и в голову. Достоевский — да, в первую очередь! Набоков же мало влияет на мой «образ России». Как, впрочем, и Булгаков, «Мастер и Маргарита» — это великолепно, превосходно! Но это не Чехов, в котором мне слышится голос самой России. Платонова я еще не читал, это мое упущение. Вообще упущений в моем чтении очень много. И чем старше я становлюсь, тем болезненнее их воспринимаю. Но ведь как мало у всех у нас времени! Я читаю многих американцев, французских скандинавов. Но если коллеги или дипломаты обращают мое внимание на какую-нибудь сенсационную новинку из России, стараюсь ознакомиться с ней непременно. Хотя должен признаться, что в последнее время являюсь переводчиком интересов политологических. Ведь то, что происходит теперь в Советском Союзе, и для нас имеет огромное значение, как и для всего человечества. Я бы даже так сказал: вот появился сейчас на последнем Набокова какой-нибудь неизвестный роман — Набоков, кстати, превосходнейшим образом переведен на немецкий, а переводил его сам издатель Рольф — и в то же время оказался в поле моего зрения переводы каких-нибудь острых статей из «Правды» или «Литературной газеты», то хоть я и писатель, и так далее, скорее прочту эти статьи, чем Набокова.

В «Литературке» кстати, кажется, в прошлом январе была помещена моя реплика по случаю появления Премии мира. Но «экземпляры газеты» я так и не получил. Поминка притягательности публицистики такой сейчас момент. Именно публицистика может поддержать перестройку всего эффективнее. Художественные вещи не могут быть откликом на злобу дня. Я вообще не думаю, что настоящая литература может служить какой-либо доктрине не посредственно, а писатель — быть «инженером человеческих душ». Сложные задачи у политиков и литераторов. Хотя цель у политиков и писателей, как и у всех людей вообще, одна — разумное устройство жизни.

Вся русская литература — даже в моей только жизни — безгранична. Позвольте мне ограничить

себя тремя примерами, оказавшими на меня наибольшее воздействие. В пятидесятые годы, работая над романом «Жестяной барабан», я подолгу жинал в Париже и много общался с немецким поэтом, которого теперь уже нет в живых, — с Полем Целланом. Он в то время переводил русскую лирику. Среди прочего — поэму Александра Блока «Двенадцать», написанную на мой взгляд, поэму, музыкальным, ладом, смелостью своей совершенно меня поразила, и навсегда врезавшаяся в память. Это поистине великое произведение.

Примерно в то же время, может быть, несколько позже, я прочел Исаака Бабеля. Его поэтичная, насыщенная лирическая проза показала мне тогда образной, заслуживающей пристального изучения. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь еще достигал такого лаконизма, такой концентрации смысла на самом маленьком питательном, где сходятся решающие экзистенциальные проблемы и выявляется слог добрых намерений злыми делениями. Столь лаконичное и выразительное и в то же время отнюдь не упрощенное изображение целого переплетения сложившихся и жизненно важных проблем пронизывало ошеломительное впечатление.

И третий пример, может быть, самый естественный, ибо кто же не восхитится Чеховым? Впрочем, мой случай, пожалуй, все же особый. Поэтому что я, разделив вместе со всеми восхищение писателя Чехова и его мастерскими новеллами, том не менее больше всего ценю его путевые заметки, знаменитый «Остров Сахалин». Уже сама отгадка замысла, особенно в соединении с инстинктом, бесстрастием и точной описательностью, это умение не скрывать тончайшую и не выпячивать ее, это особое благородство прозы. Нет, Чехов — писатель поистине удивительный.

Знаком я с многими из того, что появилось позднее, но не хотел бы, чтобы-либо выдвигать, чтобы не смущать впечатление от тех трех примеров, что и привел. Упомяну разве что удовольствие, с которым читал «Мастера и Маргариту». Из числа последних новинок отмечу роман Рыбакова «Дети Арбата». Да, да, я понимаю, что люди литературно изобалованные могут быть недовольны старомодностью письма в этой книге. И все-таки в общественном отношении появление таких информативных книг, на мой взгляд, благотворно. Все мы ждем добра перестройки, более того, живем ею. Тем надеждам, которые она пробуждает.

Вальтер ЙЕНС:

При слове «Россия» у меня, естественно, первым делом возникают литературные ассоциации. Я ни разу не был в Советском Союзе, так что мое знакомство с этой страной носит сугубо литературный характер, как, впрочем, и с большинством других стран мира. По правде сказать, и даже несколько позавчера, знакомства с самой действительностью, и не потому что опасался разочарования, а потому, что не хотел бы ничем повредить тому прекрасному и гармоничному образу, который возник у меня при чтении.

Что же до действительности, то большим событием моей внутренней жизни было освобождение Советской Армиию Германии от фашизма. Надо сказать, что в силу домашнего воспитания и в силу выработанных убеждений я был ярым антифашист. Не коммунист и не марксист, но достаточно радикальный демократ. Помню, с каким заманчивым сердцем слушал таким сообщением зарубежного радио о приближении армий Рокоссовского, Конева и Жукова. И те ужасы, которые происходили на нашей земле, воспринимались мной спокойно, как расплата за то, что мы натворили в России. Я и до сих пор во всевозможных дискуссиях люблю

повторять — да не все любит это слушать, — что этой небывалой свободой обмена мнениями, как и самим тем обстоятельством, что наши споры не оседают свастикой, мы обязаны не только Джону и Жаку, но и Ивану. Так что, думая о России, я думаю прежде всего о двух вещах: о великой русской литературе и о тех двадцати миллионах русских, которые пали, в частности, и за то, чтобы мы с вами могли с таким удовольствием предаваться интеллектуальной беседе. Поэтому сейчас, когда некоторые из присутствующих раздают историю о протестантской Советской Армии против мирного немецкого населения, и особенно выдающегося филолога-руниста Вернера Крауса, который показывал мне в Лейпциге камеру, куда его, обреченного на смерть, бросили гестапо и откуды его, сняв кандалы и дружески похлопав по плечу, освободил русский солдат.

Ну так вот. А знакомство мое с русской литературой продолжалось, конечно, и в зрелые годы. Так, к моему величайшему счастью, я дожил до шестидесяти лет, никогда не читал Тургенева. К счастью, потому что не все же забирать себе в молодости и в преклонные годы хочется получать от судьбы такие подарки. Прозу Пушкина я тоже прочел очень поздно, и если бы вы знали, как я завидую людям, которым предстоит прочитать его в первый раз. И говорю только о прозе, потому что с поэзией, пожалуй, адекватного отношения к русской поэзии у меня нет да и быть не может, если вспомнить о том, какая несовершенная вещь поэтический перевод. Даже хваленый Гюпперт явно сделал из Маяковского что-то не то. Удачу крайне редки. К ним я отношусь переводы Поля Целлана из Блока, Ахматовой, Мандельштама. Но ведь Целлан сам был великий поэт. Пушкина знаю великие не переводчики, вот он и звучит по-немецки, как торжественно-деревенно. Поэтому подлиннее мои открытия в русской литературе лежат в области драматургии и прозы. На прозу XX века я отнюдь не Бабаля. Владимир Набоков, Леонид Леонов с его «Вороном», которого я прочел еще в наивные годы. Этот автор и до сих пор вызывает во мне мало интереса. Забавно, что это мало мущин, это забавно, что «Вор» — один из лучших романов XX века.

Нельзя не отметить также, что в кругу моего постоянного чтения ходят различные путевые очерки и заметки с большим интересом, помню, читал Сарбоски из Советского Союза, принадлежавшие перу таких авторов, как Оскар Марин Граф, Армин Вегнер и другие. Меня всегда интересовало, что пишут о СССР западные писатели. Часто их размышления о России были связаны с их реакционным антизападничеством, с представлением о России как стране, которая ближе к богу, чем растленный Запад, и все такое прочее. Достаточно вспомнить хотя бы «Размышления апокалиптического» Томаса Манна, книги Кай-Леринга, Рильке, Касснера. И подобных примеров немало. Правда, такая позиция не всегда была реакционной. Выходя хотя бы знаменитого мюнхенского антифашиста Ганса Шюллера, казенного гестапо. Ведь это какое мужество было иметь, чтобы в те годы утверждать, русские это как не «недоходчики», это не та же «великая сянган Россия». Вот случай, когда этот антилиберальный, консервативный пафос был переадресован, перевернут.

Конечно, значительный барьер — язык. В прежние поры многие интеллигенты — да и не только интеллигенты, но и такие люди, как Бисмарк, который был одно время посланником в Петербурге, — научились русскому языку. Теперь это редкость. Русская литература осветила такие сферы, которые оказались недоступными западной литературе, а именно: душевные бедности человека, его постоянную готовность соскочить с экстаза или в грёзы. Ведь все это прорисовано не одного Достоевского, все это чувствуется в любом безобидном или даже поверхностном в виду диалоге у Чехова, ощущение, что в любой миг такой обиходной нашей жизни может произойти что-то ужасное, чудовищное, непонятное. Таким образом, самые основы человеческого существования затрагиваются русской литературой значительно непосредственнее, чем это имеет место в литературе немецкой, французской или английской. Эта близость неба и ада... Возмните хоть «Войну и мир». Описываются ли военные действия, воспроизводятся ли салонные разговоры, постоянно это присутствие еще чего-то необыкновенно существенного, чего-то незримого, какой-то метафизической меры и тайны нашей жизни, этого — не хлебом единым. И вот эта традиция, так дорога мне и в русской литературе XX века — у Бабаля, Леонид, Алексея Толстого.

Мои же представления о текущей советской литературе — самые отрывочные и случайные. Так, по случаю приезда в Тюбинген Михаила Шатрова меня попросили провести дискуссию по его книге «Дальше, дальше, дальше...» Меня это занятие привлекало в связи с нею обсуждаемой проблемой гласности и перестройки. Мне только показалось странным, что нашим общественным сознанием как-то совершенно игнорируется опыт Вилья Дюнамбурга. А уж если кто-то и был благодатен, и производил современную гласности современного понимания социализма как развитой демократии, так это она. И она же предпринимала: диктатура пролетариата легко может превратиться в диктатуру над пролетариатом. Я полагаю, что перестройка классического наследия вообще должна быть основанной потребностью культуры. Понтеон нужно выстраивать во всякую эпоху заново, критически перечитывая предшественников, не разрывая задачи критики и литературоведения. Так и в немецкой литературе: все более гигантской представляется, например, фигура Ницше и все более сомнительной фигура Гегеля, а ведь когда-то они казались стоящими на одинаковой высоте. Мне кажется, перестройка многих перестроит в наших представлениях о культурных ценностях. И рано или поздно перестроит некоторые институты, ведающие так сказать, государственным огнем — например, православную церковь, которая неминуемо будет играть все большую роль в общественных процессах.

Гюнтер ГРАСС:

Вся русская литература — даже в моей только жизни — безгранична. Позвольте мне ограничить

себя тремя примерами, оказавшими на меня наибольшее воздействие. В пятидесятые годы, работая над романом «Жестяной барабан», я подолгу жинал в Париже и много общался с немецким поэтом, которого теперь уже нет в живых, — с Полем Целланом. Он в то время переводил русскую лирику. Среди прочего — поэму Александра Блока «Двенадцать», написанную на мой взгляд, поэму, музыкальным, ладом, смелостью своей совершенно меня поразила, и навсегда врезавшаяся в память. Это поистине великое произведение.

Примерно в то же время, может быть, несколько позже, я прочел Исаака Бабеля. Его поэтичная, насыщенная лирическая проза показала мне тогда образной, заслуживающей пристального изучения. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь еще достигал такого лаконизма, такой концентрации смысла на самом маленьком питательном, где сходятся решающие экзистенциальные проблемы и выявляется слог добрых намерений злыми делениями. Столь лаконичное и выразительное и в то же время отнюдь не упрощенное изображение целого переплетения сложившихся и жизненно важных проблем пронизывало ошеломительное впечатление.

И третий пример, может быть, самый естественный, ибо кто же не восхитится Чеховым? Впрочем, мой случай, пожалуй, все же особый. Поэтому что я, разделив вместе со всеми восхищение писателя Чехова и его мастерскими новеллами, том не менее больше всего ценю его путевые заметки, знаменитый «Остров Сахалин». Уже сама отгадка замысла, особенно в соединении с инстинктом, бесстрастием и точной описательностью, это умение не скрывать тончайшую и не выпячивать ее, это особое благородство прозы. Нет, Чехов — писатель поистине удивительный.

Знаком я с многими из того, что появилось позднее, но не хотел бы, чтобы-либо выдвигать, чтобы не смущать впечатление от тех трех примеров, что и привел. Упомяну разве что удовольствие, с которым читал «Мастера и Маргариту». Из числа последних новинок отмечу роман Рыбакова «Дети Арбата». Да, да, я понимаю, что люди литературно изобалованные могут быть недовольны старомодностью письма в этой книге. И все-таки в общественном отношении появление таких информативных книг, на мой взгляд, благотворно. Все мы ждем добра перестройки, более того, живем ею. Тем надеждам, которые она пробуждает.

Вальтер ЙЕНС:

При слове «Россия» у меня, естественно, первым делом возникают литературные ассоциации. Я ни разу не был в Советском Союзе, так что мое знакомство с этой страной носит сугубо литературный характер, как, впрочем, и с большинством других стран мира. По правде сказать, и даже несколько позавчера, знакомства с самой действительностью, и не потому что опасался разочарования, а потому, что не хотел бы ничем повредить тому прекрасному и гармоничному образу, который возник у меня при чтении.

Что же до действительности, то большим событием моей внутренней жизни было освобождение Советской Армиию Германии от фашизма. Надо сказать, что в силу домашнего воспитания и в силу выработанных убеждений я был ярым антифашист. Не коммунист и не марксист, но достаточно радикальный демократ. Помню, с каким заманчивым сердцем слушал таким сообщением зарубежного радио о приближении армий Рокоссовского, Конева и Жукова. И те ужасы, которые происходили на нашей земле, воспринимались мной спокойно, как расплата за то, что мы натворили в России. Я и до сих пор во всевозможных дискуссиях люблю

Автомобиль на прогулке в Мадриде. Париж, 1900 год. Всемирная выставка

себя тремя примерами, оказавшими на меня наибольшее воздействие. В пятидесятые годы, работая над романом «Жестяной барабан», я подолгу жинал в Париже и много общался с немецким поэтом, которого теперь уже нет в живых, — с Полем Целланом. Он в то время переводил русскую лирику. Среди прочего — поэму Александра Блока «Двенадцать», написанную на мой взгляд, поэму, музыкальным, ладом, смелостью своей совершенно меня поразила, и навсегда врезавшаяся в память. Это поистине великое произведение.

Примерно в то же время, может быть, несколько позже, я прочел Исаака Бабеля. Его поэтичная, насыщенная лирическая проза показала мне тогда образной, заслуживающей пристального изучения. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь еще достигал такого лаконизма, такой концентрации смысла на самом маленьком питательном, где сходятся решающие экзистенциальные проблемы и выявляется слог добрых намерений злыми делениями. Столь лаконичное и выразительное и в то же время отнюдь не упрощенное изображение целого переплетения сложившихся и жизненно важных проблем пронизывало ошеломительное впечатление.

И третий пример, может быть, самый естественный, ибо кто же не восхитится Чеховым? Впрочем, мой случай, пожалуй, все же особый. Поэтому что я, разделив вместе со всеми восхищение писателя Чехова и его мастерскими новеллами, том не менее больше всего ценю его путевые заметки, знаменитый «Остров Сахалин». Уже сама отгадка замысла, особенно в соединении с инстинктом, бесстрастием и точной описательностью, это умение не скрывать тончайшую и не выпячивать ее, это особое благородство прозы. Нет, Чехов — писатель поистине удивительный.

Гюнтер ГРАСС:

Вся русская литература — даже в моей только жизни — безгранична. Позвольте мне ограничить

себя тремя примерами, оказавшими на меня наибольшее воздействие. В пятидесятые годы, работая над романом «Жестяной барабан», я подолгу жинал в Париже и много общался с немецким поэтом, которого теперь уже нет в живых, — с Полем Целланом. Он в то время переводил русскую лирику. Среди прочего — поэму Александра Блока «Двенадцать», написанную на мой взгляд, поэму, музыкальным, ладом, смелостью своей совершенно меня поразила, и навсегда врезавшаяся в память. Это поистине великое произведение.

Примерно в то же время, может быть, несколько позже, я прочел Исаака Бабеля. Его поэтичная, насыщенная лирическая проза показала мне тогда образной, заслуживающей пристального изучения. Не могу припомнить, чтобы кто-нибудь еще достигал такого лаконизма, такой концентрации смысла на самом маленьком питательном, где сходятся решающие экзистенциальные проблемы и выявляется слог добрых намерений злыми делениями. Столь лаконичное и выразительное и в то же время отнюдь не упрощенное изображение целого переплетения сложившихся и жизненно важных проблем пронизывало ошеломительное впечатление.

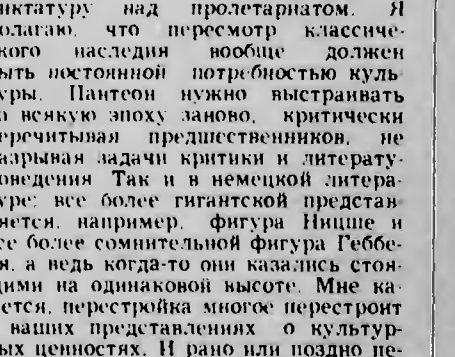
И третий пример, может быть, самый естественный, ибо кто же не восхитится Чеховым? Впрочем, мой случай, пожалуй, все же особый. Поэтому что я, разделив вместе со всеми восхищение писателя Чехова и его мастерскими новеллами, том не менее больше всего ценю его путевые заметки, знаменитый «Остров Сахалин». Уже сама отгадка замысла, особенно в соединении с инстинктом, бесстрастием и точной описательностью, это умение не скрывать тончайшую и не выпячивать ее, это особое благородство прозы. Нет, Чехов — писатель поистине удивительный.

Знаком я с многими из того, что появилось позднее, но не хотел бы, чтобы-либо выдвигать, чтобы не смущать впечатление от тех трех примеров, что и привел. Упомяну разве что удовольствие, с которым читал «Мастера и Маргариту». Из числа последних новинок отмечу роман Рыбакова «Дети Арбата». Да, да, я понимаю, что люди литературно изобалованные могут быть недовольны старомодностью письма в этой книге. И все-таки в общественном отношении появление таких информативных книг, на мой взгляд, благотворно. Все мы ждем добра перестройки, более того, живем ею. Тем надеждам, которые она пробуждает.

Вальтер ЙЕНС:

При слове «Россия» у меня, естественно, первым делом возникают литературные ассоциации. Я ни разу не был в Советском Союзе, так что мое знакомство с этой страной носит сугубо литературный характер, как, впрочем, и с большинством других стран мира. По правде сказать, и даже несколько позавчера, знакомства с самой действительностью, и не потому что опасался разочарования, а потому, что не хотел бы ничем повредить тому прекрасному и гармоничному образу, который возник у меня при чтении.

Что же до действительности, то большим событием моей внутренней жизни было освобождение Советской Армиию Германии от фашизма. Надо сказать, что в силу домашнего воспитания и в силу выработанных убеждений я был ярым антифашист. Не коммунист и не марксист, но достаточно радикальный демократ. Помню, с каким заманчивым сердцем слушал таким сообщением зарубежного радио о приближении армий Рокоссовского, Конева и Жукова. И те ужасы, которые происходили на нашей земле, воспринимались мной спокойно, как расплата за то, что мы натворили в России. Я и до сих пор во всевозможных дискуссиях люблю

Автомобиль на прогулке в Мадриде. Париж, 1900 год. Всемирная выставка

Недавно исполнилось 75 лет со дня рождения замечательного мастера литературной сатиры Александра Борисовича РАСКИНА (1914—1971). Он писал пьесы и сценарии, стихи и прозу, фельетоны и сатирические миниатюры. Но в жанре пародии и эпиграммы он был, что называется, международным гроссмейстером. Если продолжить использование этой спортивной терминологии и попытаться назвать десятку лучших пародистов за всю историю русской литературы, то она, эта десятка, выглядела бы, на мой взгляд, так: А. Сумароков, А. Пушкин, Н. Некрасов, И. Тургенев, Ф. Достоевский, Н. Добролюбов, Д. Минаев, А. Чехов, А. Архангельский и А. Раскин.

Александр Борисович писал свои пародии с чувством чрезвычайной ответственности, видя в них эффективное средство влияния на современный литературный процесс. Он с несвойственной ему резкостью выступал против пародистов, которые берут «любую строку из любого произведения любого автора» и тут же строчат пародию, не имеющую ни малейшего отношения к пародируемому писателю. Он исповедовал credo Саши Черного: «2 или даже 22 фразы, вырванные из разных мест книги, так же не могут дать понятия о ценности ее автора, как 2 или даже 22 волоса, вырванные из головы критика, не дадут нам понятия о богатстве его шевелюры».

Пародии Александра Раскина были очень популярны, имели заслуженный успех. Незвестные поэты становились известными, если Александр Борисович удостоивал их своим вниманием. Один из харьковских его учеников остроумно отметил это обстоятельство:

Хотел бы написать стихи и

Безукоризненно плохие.

Чтоб Раскин написал пародию,

Чтоб популярнее стал в народе я.

Кстати, Александр Борисович был главой целой школы послевоенных пародистов, из дверей которой вышли его многие талантливые воспитанники. Некоторые пародии и эпиграммы Александра Раскина при его жизни (впрочем, как и после его смерти) не были напечатаны. Как он однажды сказал, он часто слышал «мистические фразы типа «Главный зарубил вашу вещь» или «Главный сказал: «Пусть полегит», — что годится более для подписи на могиле юмориста».

Вот пример из того, что «легит».

В 1953 году А. Раскин написал:

Не день сегодня, а феерия.

Ликует публика московская:

Открылся ГУМ, накрывся Берли

И напечаталась Чуковский.

Короче говоря, может быть, уже пришло время опубликовать неопубликованного Александра Раскина? Может, пора объяснить, что, где, когда? В его наследии почти нет литературных пустячков. Он очень серьезно относился к своему делу, к литературе, к жизни, наконец. Однажды у меня с ним состоялся такой близкий диалог:

— Александр Борисович, вы будете сегодня на секции сатиры?

— Нет, сегодня вечером я очень занят.

— Чем, если не секрет?

— Сегодня вечером я буду думать, как жить дальше...

Шутка эта очень «раскинская». И по форме, и по существу.

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

Сегодня администрация «Клуба ДС» предлагает внимательно читателям произведения А. Б. Раскина, которые не переиздавались уже несколько десятилетий.

Дружеский шарж Г. ВАЛЬБА

ТЕЛЕФОННАЯ ХРОНИКА

С «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТОЙ» я связал всю свою сознательную жизнь. Можно сказать, что мы с ней дружим с детства, ведь ей было всего восемь лет, когда (в феврале 1937 года) она напечатала первый фельетон Раскина и Слободского. Кажется, это было совсем недавно. Но в этом году ей — 35 мне — 50.

Как во всяком многолетнем дружбе были периоды взаимной теплоты (особенно с моей стороны), были и периоды близкие к «заморозкам» на почве. Впрочем, мне кажется, что «Литературная газета» прочно считает меня в своем активе.

Мы связаны двадцать семь лет. Основной вид связи — телефон. Любопытно восстановить в памяти некоторые звонки, которые как говорится, место вехи, в сущности, живая хронология газет, не говоря уж о другом — разговаривающих сторонах. Звонки. Звонки. Звонки. Сколько их было.

1937—1938—1939—1940 годы. Любил он Тютчева и Фета. Но больше всех любил... буфета.

«ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ». Принципиален до конца. Голосовал за подполье. И говорил: — В конце концов, я видел худших подпольцев.

МАССА И ЧЕРВИНСКОМ. Произведений масса. Червинского и Масса. Да нет ни на Белинского. На Масса и Червинского.

Л. ОШАНИН. На него взглянуть, тотчас же ты поймешь. Эту песню не забудешь, не забудешь!

ПОЧТИ ПО ПРУТКОВУ. Вы любите ль стихи? Спросили раз ханжу. Люблю, он отвечал, я их перевожу.

ЩИПАЧЕВ. Крутейший мастер изощренных строчек. Певец любви, ее нечий и дный. Ему никто не мог сказать. Короче! И вряд ли кто хотел сказать.

Е. ДОЛМАТОВСКОМУ. Поэму писал ты, и пряхи. Вполне знало для холста; Пома так длинна, что даже В ней есть удачные места.

БАХНОВУ И КОСТЮКОВСКОМУ. Молитесь... ни заветный, ни речный. Слых глгобно льется из груди. Их еще ни разу не ругали. Все, как говорится, впереди.

Н. ИРТЕ И А. СУРОВУ. Обших аяли в оборот. Хотя у них различный метод. За голубым забором тот, И под любым забором — этот.

М. ГАРКАВИ. Что толст он — это не беда. Беда, что тонок... не всегда.

В «Книжном обозрении» № 12 из 1980 г. в воспоминаниях К. Влищевского «Сонет», где рассказывается история создания этой эпиграммы (не точно процитированной), автором ее по недоразумению назван А. Белинский.

Публикации А. РАСКИНА

Этот волшебный сон снится мне четыре года, целых четыре года. 1946 — 1947 — 1948 годы. Александр Борисович! Это из «Литгазеты» Передаю трубку Владимиру Владимировичу.

— Я вас категорически приветствую! Слушайте, мистер есть дело. Надо срочно вставить перо одному типу. Куда именно вставить — вы знаете. Себе представляете. Мне хотелось бы, чтоб это было не чье попало, а ваше, испанское, а вы бенте стилем. Как бы вы не были человеком. Приезжайте же! А то вы слышали.

Девиз сегодняшнего дня: Убей его и жди меня! Это не ваше, случайно? Ах, безымянного. Так в жду, Оревуар!

1949 год. Мне почему-то не звонят. Звоню сам. Владимир Владимирович, здравствуйте! Это Раскин говорит.

— Да. Как там мой фельетон? Я передал его заместителю. По звонке ему.

— Можно Александра Григорьевича? Кто просит?

— Просит Раскин, здравствуйте. Здравствуйтесь. Передаю ему трубку. Ах, простите, он уезжал в типографию.

Вспоминаю устные рассказы Ираклия Андроникова и звоню через пять минут. Говорю измененным голосом.

— Это от Маршала. Он хочет поговорить с Александром Григорьевичем. Одну минуту. Слышу радостный голос Александра Григорьевича.

— Самуил Яковлевич! Здравствуйтесь! Говорю своим голосом. Самуил Яковлевич уехал в типографию. Говорит Раскин. До свидания. 1950—1951—1952—1953 годы.

Опять звоню. — Здравствуйтесь. Ну, как мой фельетон? — Все в порядке. Стоит в полосу.

На другой день. — Это Раскин. Знаете, никак не могу нанять в газету свой фельетон.

— Понимаю, какое дело. Константин Михайлович еще раз посмотрел фельетон.

— Ну. Он сказал, что фельетон хороший, даже смешной.

— Ну. Он вообще говорил, что вас надо регулярно печатать.

— Ну-ну. В общем он снял фельетон. Ну-ну-ну! 1953 — 1954 — 1955 годы.

— Это Александр Борисович! Да, я. Это говорит из «Литгазеты». Простите, случайно набрали ваш номер.

— Пожалуйста. 1956 — 1957 — 1958 годы. Александр Борисович! Это из «Литгазеты» Ваш пародия идет. Всеволод Анисимович очень смеялся. Да, да, смеялся. Честное слово! Ну вот, спасибо! Видите, он тоже умеет смеяться.

1959 — 1960 — 1961 годы. В жизни так не бывает. И я опять не верю себе. Вторая молодость газет. Звонят беспрерывно.

— Александр Борисович! Привет! Это Сергей Сергеевич. Ну, где же вы? Все уже собрались. Давайте скорее «Музеи» получаются первыми сор! Тут мы еще кое-что придумали. Ждем! Ждем!

— Александр Борисович! Пришла посылка! Александр Борисович! Пришли рикшунки! Александр Борисович! Где же вы? Скорей!

— Александр Борисович! Говорит Валерий Алексеевич. Спасибо вам за подборку! 1963 — 1964 годы.

— Александр Борисович! Александр Борисович просил сказать Александру Борисовичу, что Александр Борисович очень занят и не может поговорить с Александром Борисовичем.

Ретро «Клуба ДС»

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Из цикла «Люблю грозу в начале мая»

ВЕСНА — ЯСНА!

Парю в облаках торжественно,
Как перьями весенний гром.
Ну, что же, мистер Рождественский,
Америка! Аэродром!
Весна... Начинать хмуриться.
В глазах и ухах пестрит.
Такая хорошая улица,
А называется «Стриг!»
Люблю цветы весеннюю
Хожу, брожу и гляжу.
На капитализм спасения
От крага не нахожу.
И тут нилалими Колумбами
Америке не помочь...
Я брежу московскими клубами.
Москва! Присыпается дочка.
Будущее мы миаденцами!
Любимая! Как ты? Держись!
Иду! На пресс-конференцию!
Эй, вы, которые! Брысь!
К СИМОНОВ

Из цикла «Я, да ты, да мы с тобой»
Поздравляю вас, друзья,
На ум не шла нам Дядя.
Мы тождество по мужичью,
На грубом нашем языке.
(К СИМОНОВ)
Как подбогат взрослому мужчине,
Коньяк, табак, две порции тоски.
В одной руке держу свои морщины,
В другой руке — седые волосы.
Недаром я прозвал тебя судьбой,
Играй же мной, икхуя и скорбя!
Присядь ко мне, я кончу цикл
«С тобой»,
А то гуляй, есть цикл и «Без тебя».

Довольно лень нам о любви по-птичьи,
Пора нам стать и проще и сильнее,
Пора нам по-простому, по-мужичьи,
По-холодильнику рассказать о ней.
Я шел к тебе по дьявольской дороге.
О, я мечтал не год, не два, не три
Про эти, губы, зубы, руки, ноги,
Про эти уши, черт меня дернул!
Садитесь все и пейте, бога ради!
А ты детей, голубка, отзови...
Читаю три лирических тетради
В объеме курса «Странности любви».
Твои глаза прищуренные узки...
Когда-нибудь и мне лежать в гробу...
Давайте, братцы, выпьем без закуски,
Закусывая нижнюю губу.
Простите все бродягу-непоседу!
Ухожу позор равно в десять семь...
Опять уеду я, опять приеду
И уж тогда доведу вас совсем.

ЕВГУШЕНКО

НЕ ПЕРВАЯ

МЕЩАНСКАЯ

Ты говорила шепотом
А что потом, а что потом?
Пыль была растелена,
И ты была растеряна.
(Евг. ЕВГУШЕНКО)

Ты говорила вскрикивая:
— А это все не липовое? —
Кровать была не новая,
Какая-то готовая.
Отчасти бальмовая,
Отчасти симонова.
Ты говорила тенором:
Не под, любимый, кенарем...
А я, вставая с птицами,
Общаясь с продавщицами.
Меня любили женщинами
Без всякой декадентщины,
На лесенке, на подернине,
На Сретенье, на Кудринке.
Одна жила в Сокольниках.
Она звала соколикми.
Ты говорила нехотя:
Ну, не рифмуй во сне хотя... —
А я во сне посвящал,
Такой облик перелистывал,
Ресничку за ресничку,
Страницу за страницей.
И человек, и прочее,
И ставил многоточие.
Ты говорила шепотом:
— Прощай... Нехорошо потом... —
Кровать была кроваткой,
Печать была печаткой.
Ужель я восхищать ее,
Ужель и огорчать ее.

И СМЕЛЯКОВ

Стал я сильным,
Как терн, и железным.
Словно окисл привкус по рту.
И ты в области рта
Ослабела смутная жалость.
Обращаясь к друзьям
(Не считая, что эти в бреду)
Поклеите мне степь
Занавесьте мне окна туманом.
И изголовье покатайте
Ночную звезду.
(Я СМЕЛЯКОВ)

В сущности области среднего уха,
Где еще не ступала нога,
В вековом заповеднике слуха
Я хватал быка за рога.
Презирая вихи и ахи
(Не считая, что это в бреду),
Я прощай твои трубы, Евстахий!
И ослоня и волю прощай.
Не считая, спокойно прочтите,
Передайте друзьям, прочтите,
Подметите нежные слова,
Поживо зеленее трава...
На моем бесконечном покоем
Русой статью своей и лицом,
Потряхивая робость прощай,
Вероятно, за речкой Донцом.
Ныл я мальчишкой, стал я мужчиной,
Видно, девочкой мне уж не быть.
Не ходит мне походкою княжой,
Синим взглядом друзей не губить.
За морями, горами, горами
Трудной славе моей не грешить...
Охладиться я стал вечерами,
Выделяя железо и медь...
Я гурчусь, на металл не солома,
Ты душой за меня не болел.
На такое количество лона
Накупил я тебе соболей.
Ни к кому я тебя не ревную,
Только, знаешь, я лучше уйду...
Ты на память мне дай не дневную,
Не ночную, вообще не «Звезду».
Дай мне «Знамя», и пусть марширам,
Разглядев меня сквозь облака,
Восторгаясь на Марсе, как
Данин!
На земле восторгаясь... Пока!

Автор восторженной статьи о творчестве Я. Смелякова

ДЕБЮТАНТЫ «КЛУБА ДС»

А ЛЮ. Алю. Марини. Привет. Ну? Где? Где? Ты чего обделала, что ли? (Пауза.) Совсем да? Совсем да? Обделаете же! (Тихонько пошепчется.) Я? Ну естественно. Естественно. Ну, я не знаю, там такие шанечки ну, в форме розанчика, ну, в общем, знаешь... Сначала просочилась паштетика, а не помню с рисом или без, еще две просочились — криветочные, маслице с инжиркой... Ой, наверное такая смешная бабечка в виде грибочка, кажется, из перчиков, и еще наверху такие штуечки из икринок. Ой, а рулетик! Рулетик из мясушка, там вообще один вые, подлиночка в формочке ну, бас турма, уааа! Кошмар! Со мной просто была истерика. Слава Богу, потом наконец ты принесла тарталетки «Воздушные» ну, это там с кремом и палочками с орешками, а наверху «Улететь! Не поверишь, такая крохотульная палочка в виде ромочки, а и ней знаешь, что? Изюминки. Да... Ну конечно, а как же. Это же «Печенье» (Пауза.) Туда все там инстинктивно посылаю ну там... министри ходит. Ну естественно. Не мажешь же. Ну там три комнаты даже была просто обделанная ну там ста

СВЕТИК

Оксана ТУРОВСКАЯ, студентка

тузетки, вазончики, гиляндоочки, ой ну такие славные куколки... ну знаешь там... такие с косичками, расплетенные... в платишниках... Ну там всякие американские, французские, испанские... концы, магнитные... ну, там записи обделанные... Что? (Пауза.) Что? (Прискает в трубку.) Мала еще. Я тебе говорю — мала еще совать нос кое куда... ВИНТОР ИВАНОВИЧ! Что? Сама ты старая... Для парня сорочка семь — это не возраст... что ты киришь то, ты иде... то... издалека... на семь сантиметров... что? Понимала бы что, сатирическое, дурочка... На своего ОЛЕГА ПАВЛОВИЧА посмотрю... ему хоть и тридцать пять, а ласый! И рот дергается, руки трясущие и весь потный... И В. СДЮНЯХ (Пауза.) Ой ой ой!!! Подумаешь, да «МОСКВИЧ» в тысячу раз лучше твоего «МЕРСЕДЕ

СА!!! Не знаю Я... (Пауза.) ЧТО? Скажи своей Викусе, что она КЛЮШКА! (Пауза.) Ну, (Пауза.) Она мне за являет, что Ленка Мамонтова, ну, знаешь... Ну, у которой грузин РЭКЕ ТИР. Что Ленка Мамонтова — ПУС ТАЯ. А я ей... что лучше быть такой пустой, как Ленка Мамонтова, чем такой НАПОЛНЕННОЙ, как ты (Пауза.) Ну что она, обделала, что ли? (Пауза.) Викусе мне тут выдала (гнусавым голосом): «И по математике по контрольной и по самостоятельной повышенной отметки получила...» Обалдела... (Пауза.) И ой так и сказала: хоть мы с Мариной и паранш получили, зато у тебя фея киришом и никому ты не нужна. Ну! (Пауза.) Ну, мы с Мариной из седьмого «А» так и решили, что эти «бушники» уже надоели, им денешник не проверяют, в раздалеке они не дежурят, на кулинару не ходят, с классного часа сбавают, им ничего. (Пауза.) Родите ли?! РУГАЮТСЯ НА ТЕБЯ?! Ну ладно, ты русский сделай как-нибудь, ну да, седьмой под номером один, а то и ни в зуб ногой, ты же знаешь, и потом я убегаю... Ну ЕСТЕСТВЕННО... А и завтра на перемене спину...

Главный редактор Ф. БУРЛАЦКИЙ
Редакционная коллегия: Ч. АЙМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Ю. ДРУНИНА, Ю. ЗАРЕЧНИК, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), В. КАРПОВ, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), А. ЛАТЫНИНА, В. МОЕВ (отв. секретарь), Ю. ПОРОЖНИКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, С. СЕЛИВАНОВ, В. СОКОЛОВ, В. СУБОТНИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва К-54, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП-3, Москва К 51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.